ЯЦЕК ВИЛЬЧУР

НА НЕБО СРАЗУ НЕ ПОПАСТЬ

Львов, 1941–1943

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Яцек Е. Вильчур — дважды ранен в боях против гитлеровцев, дважды награжден Крестом «За отвагу». Опубликовал в Польше и за рубежом 26 книг о Второй мировой войне, нацистском геноциде и около 2000 статей, из которых 600 посвящены истреблению польского и еврейского народов, судьбам заключенных и военнопленных в немецких лагерях.

Авторизованный перевод с польского Владимира Воронцова и Петра Иванова под редакцией Модеста Колерова.

Издатель благодарит Ирину Котлобулатову и Александра Хохулина за ценные консультации по событиям и топонимике Львова, Инну Шитову — за помощь в подготовке текста русского издания книги.

- Яцек Вильчур.
  - Обращение к русскому читателю моей книги
  - Почему была написана эта книга
  - 1941 НАЧАЛО УНИЧТОЖЕНИЯ
  - 1942 - Немецкий новый порядок
  - 1943 -В ПРЕДДВЕРИИ КАЗНИ
  - ПОСЛЕ И ОКТЯБРЯ 1943
  - Судьбы некоторых людей, упомянутых в книге
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

Яцек Вильчур.
На небо сразу не попасть: Львов, 1941–1943

Обращение к русскому читателю моей книги

Из моей семьи, состоявшей из пяти человек, во Львове выжил только я. С некоторыми промежутками во времени немцы убили мою мать, отца и двоих младших братьев. Немцы, уверенные в своей победе и в том, что никто из свидетелей не переживёт войну, убивали людей в ходе тайных казней и публично — на глазах тысяч людей. Будучи ребёнком, я видел сцены истязаний и убийств людей: поляков, евреев, взятых в плен советских военнослужащих, особенно офицеров Красной Армии.

4 апреля 1942 года я и мои малолетние приятели были арестованы германской полицией безопасности. После пыток нас отправили во львовскую тюрьму на улице Казимировской. В германских тюрьмах-застенках во Львове и в Стрые я вёл дневниковые записи. Книга «На небо сразу не попасть» появилась из записей на разрозненных листках бумаги. Часто это была бумага от пакетов с продовольствием и одеждой, присылаемых польскими семьями заключённым в тюрьмах во Львове и в Стрые, где в камерах для несовершеннолетних находился и я. В этих камерах немцы содержали детей от девяти лет, которых расстреливали вместе со взрослыми.

Описываемые в книге преступления украинской вспомогательной полиции на службе у Адольфа Гитлера — это только очень маленький процент от общего числа преступлений, совершённых в годы Второй мировой войны и германской оккупации польских земель по отношению к полякам, евреям, схваченным советским военнослужащим.

До 20 апреля 1943 года мы ждали рассмотрения нашего дела особым судом — Sondergericht. Всех нас — пятерых детей — приговорили к смерти за саботаж на Главном вокзале во Львове. Через некоторое время нас перевезли в Стрый. За двое суток до казни группа польских диверсантов захватила тюремный корпус, в котором нас держали, и освободила нас.

С шестнадцати лет я был членом антифашистских партизанских соединений Армии Крайовой и Особого Отряда Крестьянских Батальонов. В обеих этих группировках служили и были хорошими, отважными партизанами сбежавшие из гитлеровской неволи советские военнослужащие, которые сражались, получали ранения и гибли под бело-красным флагом за дело, общее для поляков и русских.

После возвращения в декабре 1947 года в Польшу из

Западной Европы, где мне пришлось находиться два послевоенных года, я нашёл во Вроцлаве человека, которому в 1943 году в тюрьме в Стрые передал комплект листков с записями. Этот заключённый был освобождён немцами, и ему удалось вынести на свободу все листки.

Во время нашей встречи в декабре 1947 года он мне их отдал и сказал, что верил и надеялся, что мне удастся выжить, несмотря на смертный приговор, вынесенный мне и моим приятелям особым немецким судом в оккупированном Львове.

Листки, исписанные в камерах для малолетних заключённых во Львове и в Стрые, я наклеил в хронологическом порядке на листке бумаги. Написал вступление — так появилось первое издание книги.

К настоящему времени мои книги, посвящённые Второй мировой войне, военным преступлениям и геноциду, были переведены на итальянский и немецкий языки и изданы в Италии и Федеративной Республике Германия.

Моя книга «На небо сразу не попасть» впервые издаётся на русском языке и появляется на российском книжном рынке. Для меня — историка и политолога — издание этой книги в стране наших соседей доставляет большое удовлетворение. Как историк, в частности историк Второй мировой войны, я знаю о колоссальных жертвах, которые понёс ваш народ — как военнослужащие, так и гражданское население.

Война оставила не только прочный след, от которого, как мне кажется, не имеет смысла избавляться, но она также оставила обязанность сохранения памяти моего народа.

Чтобы профессионально заниматься новейшей историей, в частности, историей Второй мировой войной, я учился в Варшавском университете, получил докторскую степень и много лет работал в Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше. Получил звание главного специалиста в области расследования германских преступлений и преступлений союзников Гитлера. Сейчас я являюсь академическим преподавателем в Варшаве — в Высшей Школе Международных Отношений и Американистики, а также руководителем Исследовательско-Следственной группы по делам преступлений Германии и её союзников. На базе материалов, документов, опросов свидетелей мы публикуем документальные исторические работы, посвящённые эпохе войны и истребления, вызванного самой бесчеловечной системой в нашей цивилизации — фашизмом в его гитлеровском издании.

Если моя небольшая книга о военных событиях моего родного города Львова и города Стрый хотя бы в небольшой степени

обогатит русского читателя новыми знаниями, то автор будет считать, что она написана не зря, — и цель автора будет достигнута.

Яцек Вильчур, июль 2012

Почему была написана эта книга

Время, о котором идёт речь в этой книге, уже прошло, и можно надеяться, что прошло бесповоротно. То, о чём идёт речь в книге, никогда уже не повторится в Европе. Однако дистанция между той эпохой, тем временем и днём сегодняшним коротка. Описанные в книге 1941–1943 годы на оккупированных польских землях, во Львове и на бывших Восточных окраинах Польской Республики, до сих пор живы в памяти тысяч бывших обитателей. Они зашифрованы в памяти их детей и внуков, их жизнь продлена в документах, хранящихся в отечественных и заграничных архивах, в исторической литературе, в опубликованных воспоминаниях в Польше и за границей.

Те люди, кто из моего поколения, и те, кто старше нас, те, кому удалось избежать смерти от немецких либо украинских рук, сохранили в памяти образы событий, которые наступили во Львове с 30 июня 1941 года, — другими словами, от момента вхождения украинского батальона «Нахтигаль», подчинённого военной разведке Абвера, а также подразделений Вермахта — до 23 июля 1944, когда последние немецкие солдаты отступили из города, в который вошла советская Красная Армия.

Тысячи людей, умерших в те годы организованного истребления от голода, холода, болезней, замученных зверским образом украинскими националистическими боёвками и украинской вспомогательной полицией, функционерами особых ликвидационных групп, подразделениями СС, полиции и регулярной немецкой армии, никогда уже ничего не расскажут. Чаще всего их останки покоятся в до сих пор не эксгумированных братских могилах на окраинах Львова, в пригородных лесах, не обозначенных надгробиями, крестами или звёздами Сиона или хотя бы малейшей надписью. В одной из этих братских могил находятся останки моих близких, расстрелянных, заколотых штыками немецких носителей нового порядка в Европе — «Нового порядка» — и их украинских помощников.

Из этих братских могил они уже никогда ничего не поведают, и потому живущие обязаны говорить за них.

Ребёнком в те времена я участвовал в таких делах, о которых не желал бы помнить, но само время, о котором идёт речь, вынуждало детей принимать участие в тех событиях. В то время, о котором ведётся речь, для немецких военно-полевых и особых судов не существовало разницы между взрослыми и детьми, если речь шла о поляках и евреях. В детской камере, в которой я находился, вместе с нами был девятилетний Рысек, которого

львовский полицейский суд приговорил к смерти, и приговор был приведён в исполнение.

22 июня 1941 года, через несколько часов после того, как на Львов, мой родной город, упали первые немецкие бомбы, я начал записывать всё, что происходило вокруг меня. После того, как Львов заняли немцы, я продолжал вести свои записи, но записывал уже только самые важные события. С 4 апреля по 1 октября 1942 и с 29 декабря 1942 по 29 сентября 1943 я находился в немецкой тюрьме.

Сначала это была предварительная камера. Пробыл в ней недолго. Затем был переведён в камеру для малолетних. При повторном аресте, с 4 января 1943 года, после пребывания на протяжении нескольких дней в военной тюрьме Вермахта на ул. Замарстыновской, я снова оказался в Быцирке на улице Казимировской, в камере № 13 для рецидивистов. Со 2 июля по 29 сентября 1943 года я пребывал в тюрьме в Стрые, в месте невольничьего труда, в сельскохозяйственном имении, находившемся под управлением голландского добровольческого подразделения СС, в селе Угерско недалеко, от Стрыя.

В тюрьме и на работах было очень трудно систематически вести записи. В случае поимки кого-то за описанием событий, немцы ссылали заключённого в концентрационный лагерь либо расстреливали. В то время я записывал события на свободных листках бумаги, добытых разными путями. Это были обрезки упаковки с продовольственных посылок от семей, бумага от упаковок ваты, а также писал на полях образков с рисунками святых, которые доставлялись в тюрьму Главным опекунским советом. Часть этих записок сохранилась у г-на Андрея Васютыньского, который сидел вместе со мной в камере и который из этой тюрьмы вышел. После войны я нашёл его через польский Красный Крест. Васютыньский вынес из тюрьмы мои записки и вернул их мне в конце 1947 года.

Не все записки сохранились, часть из них пропала, однако большую часть событий того периода я помню и могу воспроизвести. Восстанавливая и воссоздавая мои записки, я старался сохранить их тогдашний стиль и характер. Собственно, из этих уцелевших записок, заметок и того, что сохранила память, и возникла эта небольшая книжка.

Первое издание книги под этим же названием «На небо сразу не попасть» появилось много лет назад усилиями «Книги и знания».

Незадолго перед сдачей в набор издатель убрал многие куски — больше чем целый печатный лист. Было убрано также некоторое количество строк из содержания книги. Едва прошло

пять лет после польского Октября, как снова ввели обязательную цензуру, хотя и в более мягкой форме. Также несколько лет спустя Правовое Издательство постановило сохранить правильный текст первого, сокращённого издания. Нынешнее издание содержит оригинальный текст моих мемуаров, а также много дополнительной информации.

Во время, когда появится моя книжка, на границах Польши господствует покой, а трудности, которые переживает мой народ, являются, наверное, типичными для периода преобразования, когда страна и большая часть Европы находятся в стадии перемен — мы отошли от одной системы, решительно плохой, но далеко нам ещё до осознания иной, лучшей и более справедливой для всех без исключения. Ничто не указывает на то, что покой, который установился сейчас на наших государственных границах, мог бы быть в ближайшее время нарушен. Однако нельзя нам забывать о недавнем и, к сожалению, куда более страшном прошлом.

Представленная читателю книга, главным образом читателю младшего и среднего поколения, ставит своей целью увековечивание памяти нашей собственной судьбы, судьбы умерших, а также не таких уж многочисленных живых участников событий уничтожения поляков и евреев.

То, о чём рассказывается в книге, происходило не так давно и не так далеко от наших нынешних домов. А ещё участвовали в тех событиях люди, которые нередко являются сегодня нашими соседями, хотя их уже всё меньше, и они нас покидают всё чаще... Вместе с ними уходят знания и память о столь трагичных годах.

1941 НАЧАЛО УНИЧТОЖЕНИЯ

22 июня

Мы стояли перед входом в кинотеатр «Коперник»[1] на улице Коперника, а учитель покупал билеты на утренний сеанс, который должен был начаться в 9 утра. Со стороны вокзала раздавались взрывы, как от артиллерийских снарядов или бомб. Очередь в билетные кассы двигалась дальше. Через минуту или две после этого взрывы раздались намного ближе, и мы услышали самолёты. Бомбы или снаряды ударили где-то рядом, потому что мы услышали грохот и падение стен, железа и стекла. Наш учитель сказал нам, что это, наверное, манёвры, но мы сегодня в кино уже не пошли. Учитель велел нам разойтись по домам и сказал, что, наверное, вопрос прояснится. После возвращения домой я узнал, что город бомбардировался. Несколько домов обрушились, были убитые и много раненых. Отец говорит, что это новая война.

23 июня

В нашем доме сегодня никто не спал. Впрочем, ночью продолжалась бомбардировка. В 5 часов утра объявили сводку из Москвы о внезапной агрессии на Советский Союз и о начале Германией войны. Сводка гласила, что эту войну Германия проиграет. С едой не очень плохо, но уже ощущается её недостаток. Ещё можно купить простую и сушёную сельдь, хлеб, соль и другие продукты. С мясом уже хуже. В каком-то магазине несколько часов выдают сахар и рыбные консервы.

24 июня

Русские отступают, и люди говорят, что со дня на день в город войдут немцы. Уже в нескольких точках города по отступающим русским войскам стреляли из окон и подвалов. Это группы украинских националистов и диверсантов в центре.[2] Они занимают нескольких домов на Стрелецкой улице,[3] на Стрелецкой площади[4] и дома возле костёла Девы Марии Снежной. Нескольких из них русские солдаты схватили и расстреляли.

Другие по-прежнему стреляли по русским. Украинские националисты лишили свободы действий приходского ксёндза прихода Божьей Матери Снежной и оттуда, из костёльных окон, обстреливали войсковую колонну на Краковской площади.[5] Русские направили танковое орудие для выстрела в сторону костёла, но люди просили их, чтобы не уничтожали польский костёл, потому что это не поляки обстреливают войсковую колонну, а украинские националисты. Офицер-танкист послал солдат, чтобы проверили, кто стреляет. Украинцев выкурили, и костёл остался целым.

25 июня

Русские объявили, что кто из жителей города хочет, могут отступать вместе с армией. Поезда выезжают с вокзала Подзамче, и все так переполнены, что люди сидят в окнах. Выезжают главным образом семьи служащих и советских работников, но и много поляков, которые не хотят попасть в руки к немцам.

Русские явно отступают не только из города, но вообще из всей Восточной Малой Польши. Но говорят, что снова вернутся сюда. Отступающие колонны идут в боевом порядке. Перед ними и после них с боков под стенами домов идут солдаты с оружием, направленным в окна домов на противоположной стороне улицы. Время от времени солдаты стреляют. Теперь, после нескольких покушений, устроенных украинскими националистами, отряды уже внимательны. Если случится, что войсковая группа останавливается где-то на отдых, солдаты отдают населению свой хлеб, консервы, нередко и бельё.

Город бомбят самолёты, у которых короткий путь с аэродромов до нас. Милицейские и заводские машины ежедневно свозят убитых в морги при кладбищах. Военные власти предупреждают, чтобы на улицах не поднимали никаких сумочек с конфетами или шоколадом. Будто бы существуют доказательства того, что немецкие диверсанты подбрасывают отравленную пищу. При этом они рассчитывают на то, что маленькие дети поднимают всё, что найдут. Люди говорят, что Сталин обещал Германии поражение. Но нам в это не очень верится, тем более что русские отступают.

28 июня

В нескольких местах города люди взломали и ограбили

государственные магазины, словно никакой власти в мире уже не было. Это происходило там, где поблизости нет отделений милиции. Самое глупое, что люди взламывают, например, магазины со спортивными товарами или магазины с письменными наборами. Жители ещё боятся трогать магазины в центре города, но на окраинах города мало где целых магазинов. Впрочем, сами продавцы приходят под шумок и набирают из магазинов товары.

29 июня

Сегодня город уже был ничей. За весь день я видел двух русских солдат. Украинские националисты уже выходят из домов. Не боятся никого, потому что власти в городе нет. Будто бы немецкие патрули уже стоят на въезде в город со стороны Яновской улицы.[6] Наиболее возбуждены евреи, которые боятся не столько немцев, сколько украинских националистов. Некоторые евреи уже сейчас отдают соседям-полякам на хранение свои самые ценные вещи, мебель, одежду и даже своих детей.

В городе уже нет магазинов, есть только разбитые помещения, в которых находились магазины. Люди растащили даже двери и дверные коробки. Интересно, что им всё равно, что грабить — лишь бы не быть хуже других и тоже что-нибудь принести домой. Наши соседи — украинские националисты — уже сегодня таким взглядом смотрят на всех, что можно догадаться, что бы было, если они могли свободно действовать.

30 июня

Немецкие войска заняли город одновременно с нескольких сторон.[7] Пехота вошла с улиц Жолкевской[8] и Замарстыновской, а танки от Городецкой[9] и Брюховицкого леска. Также со стороны Персенковки[10] въехали немцы на мотоциклах и бронемашинах. Железнодорожный вокзал, Цитадель, здания тюрем и почты заняли отряды украинских националистов.

Немцы готовят в котлах и походных кухнях под открытым небом и рядом же выкидывают остатки. Около котлов крутится много бедноты и детей. В бывшем здании НКВД ещё можно найти картофель и остатки сухарей.

1 июля

Сегодня на Стрелецкой площади остановились автомобили, а одетый в немецкую форму военнослужащий со знаками различия на погонах заговорил со мной по-украински. Спросил, где улица Чвартакув,[11] и потребовал показать дорогу. Один автомобиль был окрашен в защитный цвет, а второй — с будкой, покрытой палаточной тканью, на дверце шофёра которой были нарисованы стрекозы.

На улице Чвартакув был один дом, занятый немецкими войсками. Перед домом стоял караульный с автоматом на груди. Унтер-офицер дал мне пачку сигарет, половину хлеба и велел подождать. Через некоторое время он вернулся из здания с другими солдатами, среди которых уже находились двое штатских. Когда у одного отогнулась пола пиджака, я заметил кобуру с пистолетом. Долго разглядывали меня, а потом один из штатских спросил по-польски, есть ли у меня желание заработать. Когда я ответил, что да, тогда спросил меня, умею ли я убирать, подметать и держать язык за зубами. Я сказал, что умею всё это, но он выразил сомнение, смогу ли я в одиночку сохранить в чистоте всё здание. Посоветовал мне, чтобы я нашёл себе ещё одного малыша, и мы вдвоём будем поддерживать чистоту в здании. Кроме того мы должны будем чистить ботинки и кожаные ремни.

Из города я привёл Кшисека, с которым дружу. У них большое несчастье. Так же как в моём случае, Кшисек происходит из богатой семьи, у его родителей раньше были имение, фольварки. Сначала Советы, а потом немцы отобрали у них всё.

Нам было разрешено спать в подвале рядом с котельной. Еды у нас было достаточно, и мы собирали в банки суп, хлеб и жир. Завтра это мы отнесём к себе домой. Перед обедом пойдёт Кшисек, а вечером я. Сегодня мы выбивали половики и во дворе жгли мусор. Кшисек говорит, что эти солдаты не такие обычные, если имеют в спальнях половики и пьют вино.

2 июля

Вечером украинская полиция тщательно облила бензином и сожгла большую еврейскую синагогу. Это было великолепное здание. Говорят, что такого второго нет в Европе. Синагога стояла на Старом Рынке,[12] а огонь был такой сильный, что в домах вокруг неё оконные стёкла от жары вогнулись внутрь. Мои товарищи, которые живут поблизости и видели огонь с самого начала, говорили мне, что в огонь бросили нескольких евреев.

От немецкого солдата я получил пачку сигарет, которую

отдал отцу. Также заработал одну немецкую марку за то, что показал дорогу немецким мотоциклистам.

3 июля

Сегодня мы с Кшисеком спали в котельной, когда под утро приехали украинцы в немецкой форме. Сегодня у нас с Кшисеком было довольно много работы, так как ботинки солдат были запачканы глиной, грязью и даже калом. У некоторых из них брюки были испачканы кровью. Эти в брюках более тёмного цвета также имели на них пятна, но трудно сказать, была ли это кровь или что-то другое. Один из солдат стирал у крана носовой платок, который был весь в крови. Их автомобили были забрызганы грязью и глиной. Мы чистили ботинки с 6 до 9 утра, а потом убирали двор.

В этот день мы заработали довольно много хлеба, швейцарского сыра и смальца. Нам не дают за работу деньги, только продовольствие. Всё отнёс домой. Буханку хлеба семья съела сразу, а остаток, то есть ломтики и краюшки хлеба, мама порезала и поставила в печь на сухари. Сигареты я отдал отцу, который, несмотря на трудности, не может бросить курить. Потом я отдал маме все деньги, которые мне удалось собрать за чистку ботинок солдатам на улице Чвартакув.

4 июля

Сегодня солдаты уехали поздно вечером, и я видел, как грузили оружие. Мы уже знаем наверняка, что они принимают участие в казнях. Возвращаясь, привезли с собой две машины гражданской одежды, очков, ботинок и портфелей. Кроме того, в машинах было несколько чемоданов. Все эти вещи отнесли в большую комнату в партере дома и велели нам чистить. На одежде не было крови, но зато она была испачкана землёй и глиной. Унтер-офицер велел нам тщательно просматривать карманы и всё содержимое складывать в чемодан. Машины вернулись из Вульки,[13] а солдаты проклинали подъезд к той части города.

5 июля

Был плохой день. Солдаты выезжали дважды: раз под утро, а

раз поздно вечером. После возвращения побили меня и Кшисека так, что в этот день мы даже не пошли в комнату за супом. Заметил, что среди них есть два офицера с черепами на головных уборах и буквами SS на отворотах. Один из них говорит по-украински так, как будто никогда не служил в немецкой армии. Со второго выезда, то есть вечернего, солдаты привезли много одежды. Сегодня во время чистки одежды испачкали себе руки кровью, которая частично успела застыть. У меня есть немного хлеба со вчерашнего дня, но нам с Кшисеком не разрешают выходить за пределы здания.

6 июля

Солдаты выехали ночью, а вернулись в 7 утра и пошли спать. Ботинки были забрызганы, нам приказали чистить автомобили внутри. В фургонах мы нашли несколько банкнот. Несло человеческими испражнениями. В чистке ботинок нам помогал один из водителей. Когда мы уже закончили работу, водитель сказал нам, что если мы кому-то расскажем что-нибудь из того, что происходит в доме на улице Чвартакув, то нас застрелят и бросят в уборную. В машине я нашёл золотое кольцо, которое отдал шофёру.

Во второй половине дня был какой-то праздник или что-то в этом роде. Ещё в обед весь двор был посыпан свежим песком. В этот раз украинцы помогли нам сжечь мусор. Привезли срезанные ветки пихты и украсили ими комнаты. Сегодня вместо одного караульного на вахте стояли двое, в том числе один унтер-офицер. После обеда приехал грузовик, из которого вынесли ящики с водкой и вином, пачки шоколада, мясо и хлеб. Повар с двумя помощниками делали бутерброды и сервировали столы. Мы с Кшисеком получили довольно много горбушек хлеба и обрезков колбасы. В самой большой комнате, где стоял стол, висел портрет Гитлера, украшенный пихтой.

Около 18 часов приехали три автомобиля. Из них вышли офицеры и ещё один солдат в форме, но без знаков отличий. Эти проявили к нему большое уважение и пустили перед собой. Целый вечер пили в здании, а вопли были такие, что люди, проживающие напротив, останавливались на улице. У солдат было много грампластинок, они ставили одну за другой.

Часовые сменялись каждые полчаса и шли в здание пить. Один из них — называли его Стецько — дал мне 100 сигарет и коробку шпрот.

Показал мне золотые часы и сказал, что это подарок за

хорошую службу в Вермахте. Когда вечером гости уезжали, я стоял около входа в здание. Мужчина, одетый в форму без знаков различия, спросил у командира украинской роты, кто мы с Кшисеком такие. Офицер что-то ему объяснял, и оба отошли в сторону машины. Поздно ночью караульный разбудил меня и Кшисека и отвёл нас к командиру. Тот спросил меня, знаю ли я, что за войска занимают это здание. Я сказал, что Вермахт.

Офицер велел мне рассказать о своём доме, о родителях и о том, как случилось, что я оказался на Стрелецкой площади в момент, когда там остановились машины со стрекозами. Потом офицер сказал мне, что здесь располагался отряд немецкой армии, который сражался с бандами диверсантов. Теперь отряд отправляется на фронт в Россию. Офицер дал мне и Кшисеку по три хлеба и несколько консерв для дележа. Кроме того разрешил нам выбрать себе на складе по одной паре ботинок.

Также сказал нам, что ради интереса армии нам нельзя никому говорить о том, что мы видели, так как в противном случае будем иметь дело с полевым судом. Когда мы с Кшисеком покидали здание на улице Чвартакув, я заметил, что некоторые солдаты собирались, затягивали ремнями большие полевые сумки и чистили чемоданы. Дома была большая радость от хлеба и банок со свининой. Ботинки отдал Юлику, потому что у меня есть другие, в которых до сих пор не ходил.

8 июля

Немцы вывозят машинами людей за город — на пески около Винников[14] — и здесь расстреливают из пулемётов. Помимо евреев расстреливают поляков — общественных и политических деятелей, католических священников.

Украинские националисты стоят на углах улиц и тщательно рассматривают проходящих. Время от времени кому-то приказывают отойти в сторону и уводят этих людей. Также задерживают красивых женщин — чаще всего евреек, но не только. Женщины иногда возвращаются, а иногда не возвращаются. В этом втором случае люди говорят, что чем более красивая, тем хуже для неё. Девушки наших соседей вернулись и теперь ни с кем не разговаривают. Сидят дома тихо и уже даже не прячутся от рыскающих немцев.

9 июля

Немцы заняли и уже обжили тюремные здания на улицах Лонцкого, Замарстыновской и Казимировской.[15] В здание на Пельчинской улице[16] свозят различных учителей, писателей, офицеров. Во Львове действует какая-то войсковая группа,[17] которая не убивает простых евреев и простых поляков. У этих немцев есть список с фамилиями и адресами,[18] кроме того местные украинские националисты служат им источником информации. Сначала всех арестованных свозят к себе, а потом на еврейское кладбище на улице Яновской. Их расстреливает специальная группа. Много таких людей во Львове уже забрали из домов и убили.[19]

Эти немцы ходят в зеленоватых мундирах, а у некоторых из них в манжеты рукавов вшиты чёрные повязки. Также есть такие, у которых нашиты буквы SS, а кроме них — другие, без всяких знаков различия. На их машинах нарисованы символы птиц, стрекоз и комаров. Среди них больше всего украинцев, но также есть несколько немцев. Кроме автомата или винтовки каждый из них имеет ещё на поясе пистолет, а многие носят армейские штыки. Украинцы и немцы из специальной группы убивают людей в нескольких местах города. Самая лёгкая смерть у тех, кто умирает на лычаковских и клепаровских горках, потому что избегают избиения перед смертью.

Ставят арестованных внизу под песчаным холмом, а немцы в них стреляют из винтовок и автоматов. После каждого залпа офицер или унтер-офицер, командующий казнью, подходит к лежащим и каждому ещё стреляет в голову. Хуже приходится людям, которых убивают в зданиях полиции и боевых отрядов. Перед смертью их ещё избивают.

11 июля

Во время казни на Кортумовых Горках[20] одному из расстреливаемых удалось сбежать. Теперь он прячется рядом с нами, у соседа украинца, который его не выдаст, потому что сам против немцев. Этот беглец по профессии инженер-химик, перед войной работал на научном предприятии Львовского Политехнического института.

Днём он находится у соседа, а на ночь приходит к нам и спит на чердаке. Он боится разговаривать с чужими людьми, но нам он рассказал, как это было у Пташников.[21] Его арестовали 2 июля и в тот же самый день, вечером, вместе с другими перевезли в здание бывшей тюрьмы — Бригидки.[22] Всех этих людей завели в коридор и держали в такой давке, что нельзя было шевельнуться,

и некоторые оправлялись на месте. Через какое-то время их начали поодиночке вызывать в сторону двери, ведущей на внешний тюремный двор.

Когда арестант выходил из коридора, за дверью получал удар молотом в висок. Тогда падал, а стоящий сбоку украинец в форме Вермахта, вооружённый винтовкой с прикреплённым штыком, протыкал сердце и живот лежащего. Другие сразу оттаскивали тело и взваливали его на стоящий рядом большой автомобиль.

В момент, когда наш инженер должен был получить удар молотом, появился какой-то офицер в форме Вермахта, с чёрной повязкой, вшитой в манжеты рукава. Офицер приказал прекратить убийства и отозвал Пташников в сторону. Сразу же после этого убитые были сложены в автомобиль, который выехал через ворота со стороны Карной[23] улицы. Инженера и остальных заключённых ввели в коридор. В течение часа приехало десять больших машин, которые остановились возле входных ворот у Казимировской улицы. В каждую машину втолкнули столько арестантов, сколько получилось, а между одной и второй машинами на маленьких открытых автомобилях ехали Пташники. По Казимировской, Яновской улицам и новой построенной дороге машины ехали на Кортумовку и здесь остановились. Заключённых из первых машин расстреляли внизу, в маленьком овраге, куда их приводили по одному. Последним заключённым велели сбегать вниз и стреляли по ним сзади. Именно в этой группе был наш инженер. Когда люди начали сбегать, сзади раздались выстрелы и тут же крики поражённых людей.

Инженер бежал всё дальше, вплоть до края оврага. Так как в него не попала ни одна пуля, он влез на достаточно отвесную сторону пригорка и начал сбегать вниз, в сторону клепаровского леска. Пташники непрерывно стреляли, но вблизи инженера уже не было никаких арестантов. Уже стреляли только по нему, но была ночь и плохая видимость. Инженер вбежал в лесок, а оттуда окружными дорогами пришёл в Клепаров, откуда он, переодетый в рабочего, добрался к нам.[24]

14 июля

Собственно обычных казней нет. Немцы и украинская полиция убивают, где получится, даже в подъездах домов. Стоит лишь о ком-то сказать, что был комсомольцем или что является евреем, и уже такого застрелят или забьют до смерти прикладами и пинками. На Краковской площади украинцы убили двух мальчиков-поляков, о которых кто-то сказал, что они, наверное,

евреи. Потом выяснилось, что мальчики были поляками, а их родители были дворниками на улице Легионов. Украинские националисты и немецкая полиция разыскивают организационные списки партии, комсомола и даже школьных пионерских организаций. По найденным спискам забирают из домов людей — часто молодых юношей и девушек. Сначала их бьют и выпытывают фамилии и адреса других, а потом расстреливают на Лычаковских песках, в Винниках и на Яновском кладбище. Часто случается, что перед казнью насилуют молодых девушек.

По городу ходят украинские националисты и ищут русские и польские книги. Взламывают двери библиотек, читальных залов, выносят книги на улицу, а затем сжигают их. Уже уничтожили много библиотек и частных собраний. Сожгли даже книги из школьных библиотек, книжные фонды в интернатах и бурсах.

28 июля

Продолжаются казни — гибнут, прежде всего, евреи, но расстреливают также и поляков. Немцы призвали всех владельцев иностранных паспортов явиться к губернатору для их продления. Во Львове было много лиц с иностранными паспортами. Немцы определили несколько разных условий для иностранцев. Тех, кто отозвался, поделили на несколько групп. Евреев — обладателей английских, чешских и австрийских паспортов — расстреляли в Бригидках и на Яновском кладбище. Нескольких американских граждан освободили, но приказали отмечаться раз в неделю в здании Гестапо на улице Пелчинской.

Люди говорят, что лучше всего обращались с гражданами южноамериканских государств.

В городе осталось немного русских, которые не смогли отступить с армией. Часть из них откликнулась на призыв немецких властей и получила идентификационные документы. Не все, однако, явились, поскольку были и те, кого немцы расстреливали сразу. У таких людей жизнь складывалась по-разному. Если их, нигде не зарегистрированных, хватали немцы, то расстреливали сразу же, как диверсантов.

Кроме того, эти русские часто старались перебраться в глубь Украины, где существуют партизанские подразделения. Некоторые находили себе место при семьях, где и работали — в основном, у частных лиц. Есть и те, кто умер бы с голоду, если бы не помощь поляков.

3 августа

Жители далёкого Клепарова рассказывают, что стало трудно спать до утра, потому что недалеко от их домов немцы устроили резню. Под клепаровским лесом также сотнями расстреливают советских пленных, привозимых из-за линии фронта. Для невозможности опознания у этих пленных отбирают обмундирование ещё в железнодорожных вагонах, за несколько километров до Львова, и привозят на казнь уже полураздетыми. Жители окрестных домов находят немало писем от пленных во время перевозки их к месту казни. Письма написаны по-русски и по-украински, и солдаты просят о том, чтобы после победы над немцами эти письма доставили командованию русских войск.

6 августа

Целый июль догорали склады на львовском аэродроме в Скнилове. Немецкие лётчики, заведующие этой территорией, привлекают всех желающих к тушению и спасению стен домов. Я вызвался поработать на аэродроме и в день за это получаю одну немецкую марку, суп и полбуханки хлеба. Кроме того, немцы позволяют забирать себе куски материи, вытащенные из огня. Куски эти невелики и чаще всего подгоревшие, но дома можно из этого что-то сшить или поменять у крестьян на картошку.

13 августа

Прихожу на аэродром уже несколько дней. В некоторых подвалах ещё остались снаряды, складированные русскими. От огня вчера взорвался целый ящик гранат, которые убили двух моих коллег, работавших со мной. Это были Анджей Сова и Антось Ярановский. Теперь немцы уже сами не входят в подвалы, а посылают сначала нас. Мы нужны немцам, поскольку сами они не хотят гасить пылающие и тлеющие тюки материалов. Они даже упростили нам работу, присылают за нами машины, которые встают возле Большого Театра, а после работы отвозят нас обратно. Кроме супа и хлеба, дают каждому из нас по 4 папиросы. Отец сказал мне, чтобы я эти папиросы не потерял или не отдал кому-нибудь, потому что они поддерживают в нём жизнь. Кроме выделенных нам папирос, можно раздобыть также «щупальца», то есть окурки.

Несчастья настолько велики, что я доволен уже тем, что у

меня нет сестры. Весьма трудно прожить в это время парню, а что уж говорить о девушке. В любом случае немцы цепляются к девушкам и поступают с ними, как обычно.[25] Мама не позволяет младшему брату выходить со мной на улицу, потому что боится за него больше, чем за меня. Отец сказал, что я могу искать работу, т. к. он сейчас уже не сможет нас содержать, а из усадьбы бабушки и дедушки нет возможности получить помощь. Большую часть разграбили Советы, а остальное — украинские крестьяне после прихода немцев.

С огнём в Скнилове удалось уже справиться, но немцы всё ещё держат нас на работе. Убираем территорию, помогаем в перевозке ящиков с амуницией, продовольствием и одеждой. Немцы дают нам самую трудную работу, а сами ходят в начищенной обуви. Бывает, однако, что найдётся среди них и добрый человек, который угостит нас из своей порции или подарит пачку папирос. Не было такого, чтобы немец-лётчик ударил кого-то из нас. Лётчики заняты своими делами и не принимают участия в избиениях или убийствах жителей города.

25 августа

Сегодня нас собрали после работы и сказали, чтобы с утра на работу не приходили, потому что, в принципе, территория уже очищена. Сержант, который надзирал за работами, поблагодарил нас и велел выдать каждому по половине хлеба и по жестянке свиных консервов. Опять должен искать новую работу.

Немцы привезли откуда-то польских солдат, заключённых в неволю в 1939 году. Обычно эти солдаты работают на строительстве и ремонте дорог. У большинства этих солдат познаньский акцент, но среди них есть немало и варшавян. Немцы иногда позволяют разговаривать с пленными и даже давать им папиросы.

26 августа

Сегодня за отцом пришли украинские полицейские. Отец попрощался с нами, а маме сказал, чтоб была осторожна, потому что он не знает, когда вернётся и вернётся ли вообще. Мама хотела дать отцу в дорогу что-то поесть, но полицейский сказал, что там, куда отец идёт, ему ничего не понадобится, ему всё дадут. После ухода полицейского мама сильно плакала и Юзек тоже раскис. Он всегда плачет, если вдруг видит других

плачущими.

Мама наверняка знает, за что полицейские забрали отца, но нам не говорит. Теперь начала пересматривать бумаги в шкафу отца, после чего некоторые из них вынесла из дому.

3 сентября

Со дня вхождения в город немецкой армии на улицах развилась такая торговля, какой уже несколько лет не было. Люди доели то, что осталось в советских магазинах и складах. Многие, впрочем, не принимали участия в грабеже магазинов — эти голодают с момента отступления русских.

На Краковской площади, между старыми будками, можно купить у немцев разные папиросы, консервы, спички, военную обувь. Деньги, вырученные от этой торговли, немцы тратят на водку и проституток. Поэтому перед немцами незачем прятаться с товаром. Только украинская полиция арестовывает торговцев и отбирает товар.

Больше всего на рынке папирос марок «Юно», «Салем», «Спорт». У немцев имеются на продажу также и советские папиросы и табак, которые разграбили на складах или отобрали у пленных. Иногда бывает даже так, что немцы продают нам русские консервы. Такая торговля иногда приносит много, а иногда — ничего. Бывает нередко и так, что заработаешь немного денег и немного еды, а украинские полицейские всё заберут, да ещё и изобьют.

Папиросы и консервы скупают у нас разные люди. Есть те, кто сам не хочет или боится торговать с немцами, а скупают товар у нас. Когда наберут уже достаточно папирос, табака и спичек, везут всё это в село, где меняют на сало, масло, яйца и творог. Потом возвращаются обратно в город и дерут три шкуры с евреев, которым продают мясо и молочные продукты.

Почти вся торговля происходит между будками и киосками, в которых перед войной продавались газеты, папиросы, овощи. Также торговля идёт в базарных проходах. Тут чаще всего продают немцам водку, за которую те, впрочем, жирно платят. Я покупаю и продаю только папиросы и табак. Беру небольшими количествами, поскольку так риск меньше. Изредка бывает, что ничего не заработаешь. Чаще всего можно, однако, принести домой немного еды и табак для отца. Когда отец вернётся из заключения, будет ему немалый запас для курения.

6 сентября

Был у нас пан Белявский и принёс кашу и хлеб. Пан Белявский рассказал, что к отцу есть определённые претензии насчёт того, что он, австриец и евангелист, работал в заводских профсоюзах и участвовал в организации забастовок во Львове и в других городах на Кресах,[26] а также был членом патриотических организаций. Пан Белявский сказал, что отец, скорее всего, вернётся, потому что за то, что он делал, его могут максимум избить и немного подержать.

7 сентября

Сегодня помогали при разгрузке ящиков с шоколадом. Немцы оттащили два вагона на боковую ветку далеко за железнодорожным вокзалом. Офицер оставил нас троих и двух немецких солдат. Мы вынимали дощечки из ящика и через дырку вытягивали изнутри шоколад. Через какое-то время мы вынимали дощечки из другого ящика, и так далее. Столько шоколада, как в этот день, мы не съели, наверное, и за предыдущие десять лет.

Оба немца работали, вроде, в другом вагоне, но я видел, как они открывали ящики и перегружали шоколад в военные сумки. В какой-то момент один из них вошёл в наш вагон, когда мы объедались шоколадом. Усмехнулся нам и сказал, чтобы мы перед уходом хорошенько забили дощечки на место. В 4 часа пополудни немцы выплатили нам дневной заработок в марках и сухарях.

8 сентября

На следующий день мы пришли на угол улицы Пекарской и снова поехали на вокзал разгружать шоколад. В этот раз брали уже не только, чтобы съесть, но и домой. Эти два немецких солдата были добрыми людьми. Сегодня во время работы принесли нам супа в котелках и хлеба. Сказали нам, чтобы мы уходили сами, причём до того, как вернётся офицер, потому что он мог бы нас обыскать.

Немного шоколада занесли домой, а остальное продали крестьянам. Достали почти 2 килограмма сала и небольшой мешочек картошки. Теперь у нас достаточно еды на две недели.

9 сентября

Опять пошёл на Пекарскую. Сегодня шоколада уже не было, разгружали ящики с печеньем. Немцы разрешили нам наесться на месте и забрать немного печенья домой.

14 сентября

Немцы привезли во Львов какую-то комиссию или что-то в этом роде. Разные большие шишки ехали в открытых лимузинах и осматривали город. Немцы возили их по различным местам и что-то показывали. На одном лимузине был шведский флажок, на другом — с красным кругом на белом фоне. В этой машине ехали люди с раскосыми глазами в очках. Спереди и сзади на мотоциклах ехали немцы и украинские полицейские.

Отца не отпускают и не говорят, что с ним сделают. Мама была в комендатуре полиции. Ей сказали, что или выпустят, или не выпустят.

21 сентября

В Винники привезли огромный эшелон русских пленных и расстреляли в течение одной ночи. Украинская полиция привезла из Винников огромное количество обмундирования, белья и обуви. Теперь полицейские продают это на Стрелецкой[27] площади. У них можно купить и большие русские наручные часы.

3 октября

Днями и ночами едут на фронт в Россию немецкие войска. Наш сосед Иванский говорит, что Россия огромна и что немецкая армия утонет на российских просторах. Он говорит, что немцы могли воевать с Россией только в летний период. Осенью ведение войны в России для чужаков крайне затруднено, а зимой невозможно. Иванский был в России во время Первой мировой войны. Иванский ещё добавил, что над немецкими войсками, которые входят в глубь России, можно поставить крестик.

Пока что немцы расстреливают людей почти ежедневно. Поляков вывозят в крытых кузовах, чтобы никто не видел, а евреев ведут среди белого дня по улицам города. Чаще всего конвоирами являются шуповцы[28] либо украинская полиция. Позавчера на улице Яновской[29] молодая девушка вырвалась из колонны, идущей на Яновскую рогатку. Один из конвоиров

догнал её, прислонил плечами к стене костёла св. Анны и застрелил. Мы видели, как тело еврейки люди занесли в ризницу церкви.

5 октября

Сегодня вернулся отец. По правде говоря, не вернулся, а люди его принесли. Отец ничего не говорит, потому что не может. Вся голова у него разбита, а глаза так глубоко запали, что их не видно. Мама пошла к семье Кшивоней, а они привели врача. Отец часто плюёт кровью, и до него нельзя дотронуться, потому что у него всё болит. Теперь надо всё время сидеть около него и подавать ему компрессы и питьё. Теперь уже известно, за что немцы арестовали и истязали отца. Целыми неделями его уговаривали и принуждали отказаться от польскости и подписать райхлисты, поскольку он был австрийцем по происхождению и евангелистом. Отец отказывался на протяжении почти трёх недель ареста. Немцы ему говорили, что он предатель немецкого народа. Они знали его полную фамилию из двух частей, которую носила австрийско-польская семья в Австрии и Венгрии.

11 октября

Сегодня некоторые из нас пошли в клепаровский лес за дровами. Возвращаясь, увидели место, где проходили казни. Пастух, который тут пас коров, показал нам большие свежезасыпанные ямы. Таких ям тут очень много, одна почти возле другой. В местах, где людей укладывали месяц, два или три назад, земля была как бы вогнута и смогла даже немного подзарасти. Свежие могилы выглядели, как довольно низкие холмики. Пастух посоветовал нам, чтобы мы шли отсюда, потому что могут приехать немцы и нас зашибить.

Потом он рассказал, что пару дней назад немцы привезли сюда с дюжину душевнобольных из больницы на Кульпаркове и расстреляли их возле самой кладбищенской стены, в 600 метрах отсюда. Больные не хотели становиться в ровный ряд и сбивались в кучу, а немцы били их прикладами и плётками.

22 октября

Немцы объявили, что взяли в плен группу английских

диверсантов, которые устраивали саботаж во Львове и окрестностях города. Их расстреляли на песках за лычаковской рогаткой.[30] Потом оказалось, что это были никакие не диверсанты, а лишь простые люди, имеющие английское гражданство, которые не явились по приказу немецких властей для регистрации своих паспортов.

Трудно теперь пройти по улице так, чтобы не прицепились украинские националисты. На улице Рутовского[31] меня задержал мой бывший школьный товарищ Иван и рассказал мне, что мы больше не будем петь в школе «Jeszcze Polska nie zginęła».[32] Рассказал мне также, что выдал немцам список фамилий всех комсомольцев из старших классов и фамилии всех знакомых, которые были на стороне советской власти в период с 1939 по 1941 г.

Иван поведал мне, что ко мне у него нет претензий, потому что его отец служил вместе с моим в военной разведке, и что они хорошо знакомы.

2 ноября

В одиночку стало опасно ходить «на вагоны».[33] На станции и вдоль путей крутится множество линейных охранников (баншуцев[34]), в основном это украинцы. Они сторожат вагоны, отправляющиеся в Германию. Кроме того, у каждого эшелона есть свои собственные конвоиры. Лучше всего охраняются почтовые вагоны и вагоны, содержащие особые отправления. Сильнее всего загружены вагоны с обеспечением для восточного фронта, и к ним проще всего добраться, потому что конвоиры часто пьяные. Труднее всего влезть в вагоны с обеспечением для штабов. Такие вагоны охраняют жандармы.

На станции Подзамче мало вагонов с грузами для армии. Через Подзамче перевозят уголь, дерево, кукурузу, зерно, пищевое масло.[35] Поскольку вагоны тут не задерживаются, а только проезжают, то приходится вскакивать в них на бегу. Вагоны с топливом открыты. Достаточно вскочить и сбрасывать в ров куски угля. Вдоль железнодорожного пути Подзамче ходят патрули Bahnschutzpolizei. Линейной охране дан приказ стрелять по запрыгивающим в вагоны. Полицейские стреляют, как правило, когда пьяные. По-трезвому стараются поймать парня и заставить его откупиться. Это дело дорого стоит и не всегда, в общем-то, помогает. Иногда баншуц возьмёт взятку и независимо от этого порядком изобьёт схваченного или отведёт в тюрьму.

Отец по-прежнему ничего не говорит, а мама сказала нам не

шуметь в квартире. Отец уже не плюёт кровью, но по ночам не спит и стонет.

7 ноября

На вокзал Подзамче сходил всего один раз. Чувствую себя тут нехорошо, может, потому, что отсюда слишком близко до дома. Переместился на Главный вокзал, где возможностей намного больше и легче заработать.

Круглые сутки тут вьётся множество немцев и военных из других армий, союзных немцам.

У всех них есть множество еды, и стоит кому-то лишь поднести их чемодан или рюкзак, чтобы получить за это хлеб. Вообще-то, на вокзале хлеб можно найти даже в мусорниках войсковой кухни. Это, скорее, корки, грубо отрезанные кромки, а иногда — если кому повезёт — можно найти и больший кусок хлеба.

Редко удаётся найти в мусорнике столько, чтоб было что отнести домой, но самому наесться, в общем-то, можно. Тем более что немцы выбрасывают на мусорники банки из-под смальца, масла, ветчины. Иногда можно найти и густой макаронный суп в помойной бочке. Собственно, это не помои, а слитые остатки густого супа из войсковой столовой. Немецкий персонал кухни не позволяет нам выбирать из бочек этот суп, поскольку они держат его для своих свиней, но вечером, когда никто не видит, можно немного набрать в банки от консервов. Достаточно набрать этого супа в одну большую банку из-под сгущённого молока, и вот уже еды достаточно для всей семьи. Дома такой суп разбавляется, и можно его есть три раза в день. Кроме того, в мусорнике довольно много окурков. Собираешь эти окурки, а дома, открутив фильтр, получаешь табак.

12 ноября

Через Львов идут вместе с немцами на восток войска их союзников. Больше всего во Львове венгров, итальянцев, румын. Есть также войска словацкие, хорватские, какая-то группа Голубой Дивизии,[36] немного бельгийцев, финнов и французов из Организации Тодта.[37]

Хуже всего складываются отношения между венграми и украинской полицией. Венгры, где только могут, припоминают дела Закарпатской Украины. Неоднократно возникали драки, и

несколько украинских полицейских уже похоронены на Яновском кладбище.

Немцы не стараются прибыть вовремя, чтобы помешать драке. Кажется, немцам эти драки на руку.

15 ноября

Начал работу у немцев. Это отдел фронтового управления немецкого Красного Креста. Круглые сутки туда приходят немцы из разных подразделений и родов войск, а также их союзники — итальянцы, венгры, хорваты, румыны и другие. Тут они получают горячий суп, кофе и сухой провиант на дальнейшую дорогу. Из Львова они едут на фронт в Россию. Сёстры Красного Креста очень разные: добрые и паскудные. Хуже всех — рыжая ведьма со свастикой на лацкане. Она нас терпеть не может и велит стоять от неё подальше, когда с нами разговаривает. У рыжей есть ключ от склада, она даже от своих коллег стережёт эту жратву. Всем вокруг говорит, что вся еда предназначена для бедных немецких солдат, которые в тяжких условиях исполняют волю Фюрера.

Я — помощник истопника больших котлов, в которых круглые сутки готовят для армии. Главный истопник — пан Роман — перед войной был, видимо, профессиональным офицером, и родом он из Силезии. Кроме него и меня, есть ещё украинец, Николай, который не выносит своих фашистских сородичей.

Днём работаю при котлах, а ночью мы со знакомыми ходим «на вагоны». Внутрь можно залезть через окошко или разбив замки и пломбы. Если повезёт, то можно найти консервы, верхнюю одежду, обувь, новое бельё. Больше всего платят за жир, за который в городе можно получить довольно много денег. Брать стоит всё, потому что за уголь и дрова тоже можно заработать. Если баншуц поймает, то и так может застрелить, независимо от того, что берёшь.

22 ноября

Теперь пан Роман сам справляется и не говорит нам слишком часто приходить на кухню. Я сколотил себе ящичек для чистки обуви. Ящик ставлю или возле столовой, или в другом месте вокзала, в зависимости от того, откуда жандарм не гоняет. Чищу обувь офицерам и обычным солдатам всех армий, которые вместе с немцами идут на восток. Движение на вокзале большое, но

вокзальная жандармерия и украинская полиция нас бьют и гоняют. Таких ящиков, как у меня, тут много. Нужно, чтобы на нём был ремень, за который его можно было бы повесить на плечо и убегать, когда приближается патруль жандармерии. Прежде, чем военный начнёт вынимать деньги, надо сказать: «Bitte nicht Geld, bitte Brot».[38] Просить о еде можно только вермахтовцев и союзников. Типам из СС, СА и жандармам лучше всего чистить обувь задаром, потому что могут надавать пинков и разбить ящик.

Лучше всего к нам относятся венгры, итальянцы и румыны. Они все не любят немцев и, в целом, этого не скрывают. Недавно жандарм спустил меня с перрона вниз по лестнице за то, что хотел солдату поднести чемоданчик. Итальянец, который это видел, отчитал жандарма, а мне подарил носовой платок и пачку армейского табака. За такой табак у крестьянина из села можно получить мясо или картошку, но я не могу выменять табак, потому что отец курит, и даже собранный в мусорнике табак для него ценен.

24 ноября

Сегодня к окнам столовой подъехала задним ходом большая военная машина. Опустили задний борт, и два солдата начали носить хлеб внутрь столовой. Я залез по колесу на кузов и из-под тента фургона вытащил большую буханку хлеба. Хлеб достать было трудно, потому что тент плотно прилегал к борту. Хлеб я спрятал под куртку. Весил он килограмма два, был свежий и ещё тёплый. Такого хлеба я ещё домой не приносил. Сказал, что заработал у немцев, потому что если бы сказал правду, то мать бы сошла с ума от страха за меня. Младший брат сидит дома и ждёт от завтрака до обеда, а потом ждёт ужина. Самый большой праздник для него тогда, кода мы возвращаемся с Юликом и приносим поесть что-то экстра. Например, приготовленных макарон из бочки или кусок жёлтого сыра из немецких банок. Мама не выходит из дому, потому что у неё нет денег, а впрочем, и так бы мало что купила. Как перекупщики, так и крестьяне, приезжающие на телегах, три шкуры дерут за любой картофель.

Отец с трудом ходит по квартире.

25 ноября

Сегодня опять выгружали из машины хлеб. Я стянул две

буханки и тогда сообразил, что водитель машины — оберефрейтор — всё видел. Хотел вернуть ему хлеб, но водитель сказал, что одну буханку могу себе взять. Больше нельзя, потому что в столовой заметят недостачу. Чувствовал себя очень глупо, но хлеб взял, потому что это — сокровище, и нужно что-то домой принести.

27 ноября

Пока машина вставала под окном, брал из-под тента по одной буханке. Однако работники столовой, должно быть, что-то заметили, потому что теперь машина подъезжает с фронтальной стороны, и тут под надзором немки — сестры Красного Креста — водитель и помощник заносят хлеб в корзинах. Дома опять стало меньше хлеба, потому что должен следить за немцами с чемоданами. Жандармы запрещают нам подносить чемоданы и бьют за это.

Буханка хлеба является чем-то ценным и свидетельствует о том, что его владелец умеет ориентироваться в жизни. Только украинцы имеют хлеба вдоволь. Кроме продуктовых карточек, у них есть свои организации и комитеты, в которых они получают продовольствие. Есть также специальные продуктовые магазины для украинцев. Вообще, почти в каждой украинской семье кто-то выполняет где-то важную функцию и обеспечивает свой дом. Многие украинцы служат в Вермахте и в полиции — этим вообще лучше всех.

В польских семьях — обыкновенный голод, а у евреев он чрезвычайный. Уже сейчас есть случаи голодных смертей в еврейских домах. Евреям выделяют очень маленькие пайки, а кроме этого украинские продавцы в магазинах часто отказывают им в выдаче карточных порций. Да и, в общем, даже то, что у еврея есть дома, не является его собственностью, потому что у него всё это может отобрать каждый украинец, даже гражданский.

1 декабря

Люди активно ходят из города в село за продовольствием. Чаще всего ходит интеллигенция: разные преподаватели, чиновники, профессора. У крестьян уже достаточно денег, и они не хотят их брать, хотят менять на товар. Люди несут в деревню свою одежду, посуду, салфетки, бритвы и другие предметы. Бывает иногда, что у крестьянина можно выпросить что-то поесть.

Наш сосед, до войны бывший ассистентом в университете, постоянно ходит в село и каждый раз приносит что-то домой.

7 декабря

Добрые времена настали для огородников из пригородов. Всё лето они охраняли свои огороды и спали в них ночами, а теперь продают за большие деньги лук, морковь, чеснок и другие овощи. Огородники бьют каждого, кто решится зайти на их поле, чтобы стянуть что-то из еды.

Очень много овощей и фруктов скупают у огородников немецкие подразделения, которые платят частично деньгами, а частично папиросами, мясными консервами, мылом. Многие огородники провернули на этом такие выгодные дела, что строят дома и другие хозяйственные постройки.

Через город всё так же провозят раненых. В последний раз, кроме немцев, везли также раненых финнов и голландцев. Финны не хотят давать нам хлеба за наши услуги носильщиков на перроне. А однажды голландцы обругали немку — сестру Красного Креста.

20 декабря

Довольно беспорядочным будет в этом году праздник Рождества. У людей нет денег. Хотя некоторые пробуют привезти из села немного еды на сочельниковый стол. Однако трудно пройти боковыми дорогами, потому что там мокро и грязно, а на шоссе немцы всё отбирают.

Люди говорят, что русские будут отступать только до определённого места, а потом немцам так дадут по костям, что те их не соберут.

22 декабря

Сегодня возле места расквартирования венгерских офицеров была такая драка, какой уж давно не видели во Львове. Украинский полицейский ударил польскую девушку, которая работает в офицерском казино у венгров. Девушка расплакалась, а венгры соскочили с веранды и стали бить полицейского. Кто-то выстрелил, и сбежалось ещё больше полицейских, а через несколько минут приехал целый комиссариат полиции. На

помощь венграм пришли проходившие по улице гражданские.

Украинская полиция открыла огонь, а венгры тогда укрылись за домом и стали кидать оттуда гранаты. Убиты трое полицейских и ранены пятеро. Немецкая жандармерия, которую стянули с улицы Батория,[39] потребовала выдачи польской девушки, но венгры ответили, что это дело касается только украинцев и венгров, поэтому рассматривать его будет венгерская полевая жандармерия, а не немецкая. Задержанных полицейских забрали в комиссариат, а место посыпали песком.

Уходя, полицейские сказали, что застрелят каждого пьяного венгра, которого патруль схватит в городе.

Встреча поляка с украинскими полицейскими очень рискованна. Поляка могут избить, ограбить и покалечить. Для еврея такая встреча может закончиться ограблением, избиением и расстрелом. Украинские полицейские насилуют молодых евреек и убивают евреев на улицах средь бела дня. Немцы не мешают украинцам убивать.

24 декабря

В домах у людей стоят ёлки, но на них нет ни шоколадок, ни конфет. Люди повесили на ёлки картошку, обёрнутую в цветную бумагу, немного орехов и яблок. Несмотря на это, ёлки так сильно освещены, как никогда не было перед войной. Потому что в этом году частные заведения наделали огромное количество цветных свечек, и люди жгут их, как будто назло немцам. Зато на столах почти пусто, потому что большая часть сочельниковых блюд — из мака и картошки. Лишь у немногих на столе есть мясо.

Я срезал ёлочку в клепаровском лесу, а братья сделали украшения и цепочки из цветной бумаги и газет. Я ухитрился раздобыть две банки мясных консервов и несколько яиц, а мама принесла селёдку. На рождественский сочельник дал отцу целую пачку немецких папирос, а маме кусок немецкого шоколада. У людей, правда, нет мяса, зато облатки[40] можно купить дёшево и на каждом шагу.

Отец может уже говорить, но тихо и очень немного. Выдумываем для него разные съедобные штуки, но отец мало ест.

Моего пастора немцы забрали в армию, мама принесла облатки от католического священника из Богоматери Снежной.[41]

28 декабря

Немцы объявили, что каждый, кто будет продавать евреям еду, одежду или лекарства, будет наказан лишением свободы, высоким штрафом или будет выслан в концентрационный лагерь. Если же кого-то поймают на том, что он контрабандой поставляет еду в еврейский район, он будет расстрелян на месте. Сегодня, в связи с этим, еда подорожала ещё сильней, потому что каждый, кто носит контрабанду в гетто, поднимает цену за дополнительный риск.

Если у меня есть полено или кусок угля, то я оставляю их перед границей гетто, а евреи и так в город тайно выходят, а кроме того, не всюду ещё поставлен забор. На Клепарове немцы отгородили колючей проволокой кусок гетто и поместили таблички с черепами. Надписи на немецком, украинском и польском языках предупреждают об угрозе расстрела для тех, кто без специального пропуска войдёт в гетто.

1942 - Немецкий новый порядок

3 января

По городу ездят трамваи со стёклами, закрашенными в белый цвет и с красным крестом. Круглые сутки — в разное время — трамваи перевозят с вокзала Подзамче на Главный вокзал раненых солдат. Среди них больше всего тех, кто в России отморозил себе руки, ноги, лица, животы. Много среди них и тех, кто страдает от разных болезней. Все они заросшие, исхудалые, грязные.

Если позволяют немецкие санитары, то можно иногда помогать при переноске раненых на перроны. У раненых можно за просто так достать хлеб, консервы, папиросы. Им это уже не нужно, поскольку на перронах они получают всё свежее. Сейчас их устраивают в вагоны и вывозят на лечение либо в Германию, либо в Краков и в Подкарпатье.

9 января

Сегодня ночью умер отец. Смерть его была очень тяжкой — такой же тяжкой, как и жизнь на протяжении последнего полугодия. Не помогли ему литовские сыры, масло и хлеб, которые я таскал из немецких вагонов. Украинская полиция и СС лишили его здоровья и сделали из него полного калеку. В последние дни отец был уже просто кровоточащим ошмётком. Украинская полиция припомнила ему всю его деятельность, австрийское происхождение, отказ подписывать немецкие райхлисты, всё прошлое — от участия в войне против банд Петлюры[42] и до его разведывательной деятельности перед 1939 годом.

Это была первая жертва войны в нашей семье.

11 января

Похоронили отца на Яновском кладбище. На могиле мы установили деревянный крест и табличку с фамилией. Гроб обошёлся в довольно большую сумму денег, но за него заплатили хлебом и папиросами. О надгробии нечего и думать. Никто из нас не плакал, потому что смерть была избавлением и благодатью

для отца. Проводив мать и младшего брата домой, я вернулся на вокзал.

19 января

Сегодня на товарной станции на Клепарове[43] взлетели на воздух склады с бензином. Полиция и СС оцепили всю округу и устроили «котёл». Всех поляков и украинцев, пойманных в пределах товарного вокзала, доставили на улицу Батория, а евреев, которые в ту пору проходили мимо вокзала, расстреляли на месте.

Немцы не поймали виновных, но объявили, что в следующий раз за каждый склад возьмут по десять прохожих с улицы и повесят возле места, в котором будет устроен саботаж.

20 января

Многие люди в городе живут с того, что насобирают на улице или выпросят. Есть семьи, в которых все «крутятся», иначе умерли бы с голоду. По городу ходят продавцы картофельных блинов. Это блины не из клубней, а лишь из перемытых и смолотых картофельных очисток. Эти блины горькие, как йод, но ими можно немного обмануть желудок. Продают также печёные яблоки, но они дорого стоят, потому что немцы выкупили у крестьян почти все фрукты.

23 января

Во Львов приехало подразделение испанского антибольшевистского легиона. Легионеров завезли на Главный вокзал, откуда они поехали на восточный фронт. Вместе с ними во Львов приехало подразделение хорватских фашистов,[44] которые заняли всю площадь перед вокзалом.

Сегодня на вокзале произошёл случай, после которого немцы не допускают к перронам гражданское население. Хорватский солдат застрелил офицера СС, а затем двоих жандармов, которые хотели его арестовать. Прежде, чем смогли его разоружить, хорват совершил самоубийство. Теперь немцы распускают слухи, что хорват был пьяный. Другие говорят, что «ему не хватало пятой заклёпки».[45]

6 февраля

Очень холодно, и повсюду царит голод. Только немцы и украинские националисты ходят сытые. Люди говорят, что эта зима будет самой трудной. Кто её переживёт, тот переживёт немцев. Сегодня был на вокзале, где стоит целый венгерский эшелон. Солдаты дали мне поесть немного чечевицы и ещё две банки дали домой. Венгерские солдаты спрашивали, как с нами обращаются немцы и много ли в городе голодных людей.

Сегодня вечером на Главный вокзал трамваями Красного Креста привезли много раненых и больных немцев. Все они заросшие, исхудалые, у многих из них руки и ноги в гипсе. Машинисты[46] говорят, что теперь их будет с каждым разом всё больше, потому что русские перестали отступать и начали бить. Раненых свозят без перерыва от сумерек до 4 часов утра. В эту ночь не спал, потому что всех нас, работников DRK,[47] привлекли помогать при их переноске на перроны вокзала. Вдвоём брали под руки раненого, а третий брал его рюкзак либо чемодан, и заносили на вокзальную лестницу — тут отдыхали минуту и поднимались на перрон.

Николай не смог поднять больного солдата и опустил его на землю. Один из жандармов, присутствующих при транспортировке больных, ударил за это Николая в лицо. Тогда раненый послал проклятье жандарму. Когда жандарм начал сыпать проклятьями в ответ, солдат посоветовал ему, чтобы снял с шеи жандармскую бляху и шёл на русский фронт.

В течение той ночи заработал несколько килограммов хлеба, немного масла, зубной пасты и пару обуви.

9 февраля

Женщина, которая содержит на Главном вокзале общественный туалет, прячет у себя русского офицера без документов и его жену. Перед нами этого не скрывает и не раз просила табака для этого офицера. Сказала мне, что скоро вывезет этих двоих к своей семье в село. В лесах недалеко от деревеньки есть партизаны, к которым офицер с женой хотят пробраться.

Сегодня украинский полицейский ударил маму за то, что она хотела подать кусок хлеба еврейке, которую везли в Белжец. Когда я вернулся домой, она оборачивала руку мокрыми компрессами. Юлик сказал маме, что её когда-нибудь за это застрелят и мы не будем даже знать, где её уложат.

В доме чертовски холодно, если не топим печку. Мама заботится о добыче топлива, но у неё не всегда получается. На протяжении последних дней мне не удалось стянуть ни угля, ни дров, и в квартире было холодней, чем на улице.

11 февраля

За небольшое количество угля хотят золотые или серебряные часы. Люди уже сожгли много заборов и посрезали вокруг домов декоративные деревья. Разбирают даже веранды. Железнодорожники говорят, что этой зимы немцы в России не выдержат. Раненых привозят с каждым разом всё больше, и у многих из них отморожены руки, ноги, животы и лица. Их стало уже столько, что от нас вывозят товарными поездами, в которых ставят железные печурки.

17 февраля

Зима в этом году очень суровая, и многие люди не верят, что переживут её. Полиция на рогатках[48] всё суровее обыскивает селян, привозящих продовольствие. Немцы перестали нянчиться с украинским населением, и если поймают крестьянина с салом, то бьют его независимо от того, какой он национальности.

21 февраля

Возле фабрики Рукера[49] на Замарстынове немцы расстреляли двух молодых священников за то, что они пытались провести из города в стоящий неподалёку монастырь две еврейские семьи. Тела этих священников отдали людям, которые завезли трупы на кладбище в Голоско.[50] Немцы объявили, что, в случаях оказания помощи евреям со стороны священников, полиция будет жечь костёлы, в которых эти священники проводят службу.

Вечером в том месте, где расстреляли священников, отслужили молебен, в котором приняли участие поляки и украинцы.

28 февраля

Сегодня опять застрелили монаха, который под сутаной проносил продовольствие и деньги в еврейский квартал. Шуповец потребовал остановиться, но монах побежал, и тогда он выпустил очередь из автомата. Полиция не хотела выдать труп полякам, а только велела, чтобы евреи похоронили его на территории своего квартала. С той поры полиция стреляет в каждого, кто по первому приказанию не останавливается для обыска.

1 марта

Возле самого дома DRK лежат на подстилках и спят венгерские солдаты. Они все грязные, запылённые и заросшие. Их стянули во Львов с русского фронта, где они воевали в венгерской армии против русских. Украинцы, работающие в DRK, говорят, что эти венгерские солдаты являются по происхождению евреями[51] и после изъятия у них оружия и обмундирования они поедут на смерть в Бельжец.[52]

7 марта

Сегодня прицепился к нам какой-то маленький мальчик и попросил, чтобы мы его взяли на заработки. Мы пошли на перрон к итальянскому эшелону который тут задержался по дороге на фронт. Солдаты ехали в товарняках, в которых были установлены железные печурки. Поскольку сегодня было трудно заработать, то Николай и тот новый свистнули у итальянских солдат целый набитый рюкзак. Кто-то из солдат заметил это и погнался за парнями. Отобрал у них рюкзак и сообщил об этом случае в итальянскую жандармерию.

Приехали на двух машинах и сильно на нас кричали, но никого не задержали. Потом всю нашу компанию отвезли в комендатуру итальянской полевой жандармерии, которая размещается на пересечении улиц Сикстуской и Леона Сапеги.[53]

Не нашлось итальянца, владеющего польским, поэтому переводили с польского и итальянского на немецкий язык.

Следствие было очень коротким. Мы сказали итальянским солдатам, что воруем их продукты и одежду, поскольку мы голодные и нам не во что одеться. Добавили также, что наши семьи живут только с того, что мы заработаем на вокзале или таскаем из итальянских и немецких складов.

Итальянцы нам даже не сказали, что мы поступаем плохо, обворовывая итальянскую армию. Посовещались между собой,

потом унтер-офицер выпроводил нас на улицу и сказал нам идти отсюда.

14 марта

Если один входит в вагон, то второй не в состоянии одновременно вытаскивать товар из вагона и следить, не идёт ли баншуц. Для этого мы создали группу, в которой нас было четверо.

Кроме товара, который можно унести домой или продать, есть и такой, который трудно забрать. На железнодорожных станциях, на боковых и пролётных ветках стоят вагоны-цистерны с бензином. Почти через день мы сливаем бензин из цистерн. Откручиваем контрольные краны, срываем эти краны с цепочки, и бензин толстой струёй вытекает в землю. Если открутить краны в нескольких цистернах, то можно за час спустить пару тысяч литров бензина.

Лучше всех спускает бензин Брудас. Он родился и вырос возле вокзала, и о вагонах и цистернах знает всё. По несколько десятков литров этого бензина мы забираем, поскольку его можно пронести в гетто и там продать евреям. Немецкая администрация города прекратила подачу электричества и газа в гетто и, одновременно, не даёт евреям ни угля, ни дров. Евреям приходится тайно покупать топливо. Этот бензин смешивают с чем-то ещё и жгут в керосинках. В гетто в данный момент можно входить, и нет охраны на границе арийской и еврейской частей города. Хуже бывает, когда шпики ловят кого-то с товаром для гетто. Если поймают маленького пацана, то изобьют и отпустят, старших сажают или — если им чем-то не понравился — расстреливают.

19 марта

Сегодня вагоны-цистерны поставили недалеко от итальянской комендатуры вокзала. Мы с Брудасом пришли под вечер, когда было ещё видно. Когда мы возились возле кранов, из-за дома вышел итальянский солдат. Времени убежать не было, а у солдата на поясе был револьвер. Мы перестали откручивать краны, а он не спеша подошёл к нам. Потом внимательно прочитал немецкие надписи на цистерне и осмотрел краны. Потом поправил на себе ремень, кивнул нам головой и пошёл себе. Мы ждали пару минут, но никто не шёл. Тихо было и в доме

итальянской комендатуры. Мы открутили поочерёдно краны в трёх цистернах. В одной цистерне мы взяли около 15 литров бензина, который Брудас продаст сегодня в гетто.

21 марта

Слишком много людей уже знают о том, что у нас есть на продажу бензин. Это вина Николая, который весьма неосторожен и когда хорошо примет, и у него есть настроение, то хвастается перед пацанами на вокзале. Уже дважды ко мне приходили какие-то люди и предлагали, чтоб я продал им бензин. Встретил на вокзале железнодорожника, который был готов заплатить, какую захочу. Он сказал мне, что может у меня взять любое количество. Ходим теперь с Брудасом и Юликом каждую ночь и бензин приносим на улицу Гродецкую[54] недалеко от костёла Св. Эльжбеты.[55] Путеец даже одолжил нам резиновые мешки, в которые мы спускаем этот бензин. Путеец платит нам в марках и злотых. Спросил его, что он с этим бензином делает, но путеец посоветовал мне этим не интересоваться. Нам сейчас так удобно, потому что не нужно рисковать, принося бензин в гетто. Наконец, путеец мне сказал, что долго туда нельзя будет носить товар, потому что евреев будет с каждым месяцем всё меньше. Путейца зовут Стефаном, и он ещё сказал, чтобы мы были очень осторожны, потому что за кражу бензина нас могут расстрелять. Сказал ещё, что после набора бензина в мешки мы должны закрутить на место краны так, чтобы никто не смог догадаться, что оттуда брался бензин.

Мне кажется, что путеец имеет виды на собственную выгоду и ничего его больше не касается. Юлек сказал, что он и так будет спускать бензин в землю, потому что это ничего не стоит.

23 марта

На Главный вокзал сегодня прибыл эшелон итальянцев. Охраняли их только эсэсманы, которые били каждого, кто приближался к вагонам. Итальянские солдаты были без оружия и небритые. Всех их впихнули в машину и вывезли на пески около Винников. Когда их высаживали из открытых кузовов, солдаты кричали что-то по-итальянски, но невозможно было понять, что они говорят. Путейские работницы рассказывали, что это солдаты, которые не хотели помогать немцам в облавах на партизан в лесах под Равой Русской и Дрогобычем.

24 марта

Во Львов приехали хорваты, которые должны идти на русский фронт. Одеты в немецкие мундиры, только на рукавах и пилотках у них какие-то свои знаки. Ходят разъярённые и бьют кого попало. Не знаю, где их расквартировали, — шастают по несколько человек в окрестностях вокзала.

25 марта

Сегодня хорваты выехали на машинах. Все были в касках, и у всех были заткнуты за пояс гранаты. Украинец из вокзальной охраны говорил, что хорваты поехали помогать ликвидировать гетто в Жолкве[56] и Люблине.[57]

29 марта

Сегодня в итальянской комендатуре целый день был шум. Когда итальянцы пришли утром, то нашли на окне повешенного коллегу. Уборщицы говорят, что этот самоубийца повесился от тоски по Италии.

Уже вернулись хорваты. Они теперь не такие злые, как перед выездом. Разговаривают с людьми. Некоторые из них сегодня продавали вокзальным торговцам разные вещи — часы, обувь, обручальные кольца. За пол-литра водки можно было у них получить красивые дамские туфельки. За женские золотые часы хотели 10 литров водки. Но можно было сторговаться за 8 литров.

На вокзале поднялся шум по поводу этого бензина. Немцы хватают и арестовывают разных людей, а перед этим очень плотно оцепили вокзал. Немецкое оцепление настолько густое, что только с трудом можно вынести оттуда хлеб или сигареты. Немцы тщательно обыскивают задержанных. На путях, где стоят цистерны, теперь крутится много баншуцев, а немецкий повар сказал, что комендатура вокзала назначила награду за поимку виновных в уничтожении бензина. Если бы просто забирали по несколько или несколько десятков литров бензина, то немцы бы ещё долго не догадались, что происходит. Только когда увидели оторванные краны и мокрую от бензина землю, то «шляк их трафил».[58]

Почти каждый день теперь бьют людей и тщательно проверяют пропуска работников железнодорожного вокзала. Теперь невозможно дойти до цистерн с бензином, из-за чего

носим немцам чемоданы и рюкзаки. Денег от продажи бензина ещё осталось достаточно, и я даю их маме каждый день или через день. У меня больше свободного времени, так что я стал снова приходить помогать пану Роману. Около кухни крутится теперь несколько типов, которых я не знаю. Пан Роман даёт мне кофе, но и отгоняет от барака. Немцы и тут следят, а в 50 метрах от кухни находится штаб железнодорожной жандармерии.

28 апреля

Три недели уже нахожусь в заключении. А дело было так: 4 апреля перед входом на территорию Frontleitstelle[59] встали несколько людей в противодождевых плащах. Среди них я заметил Романа. За ними я не увидел никого из знакомых пацанов. Не было ни носильщиков, ни чистильщиков обуви. Что-то тут было не в порядке, что-то, чего я не мог понять. Когда я решил уйти с вокзала и повернуть к остановке, было уже слишком поздно. Один из этих незнакомцев, высокий верзила, шагнул в мою сторону и прежде, чем я успел удрать, велел мне остановиться и пригрозил пистолетом. Потом пришёл ещё один, мы втроём пошли к трамваю. Сказали мне стоять на платформе и так меня обставили, что и речи не было о бегстве. Следили за мной и одновременно разговаривали о какой-то ограбленной немке. Отвезли меня на площадь Галицкую (мне кажется, что в дом 15) в здание управления Крипо[60] и СД. Вместо охранника в форме, на входных дверях стоял тип, одетый в штатское. Наверху мне сказали встать в углу комнаты лицом к стене. В той комнате уже находились двое в штатском, хорошо одетых мужчин, а в углу сидел на корточках Брудас — хитрый, но самый тупой из всей нашей компании.

Никто ни о чём не спрашивал, только вдруг высокий толстяк с рябой от оспы губой ударил меня открытой рукой в лоб. Одновременный удар резиновой дубинкой в грудь свалил меня на колени. В комнату вошёл офицер СД. Толстяк спросил меня, как было с бензином. Прежде, чем я успел ответить, начали вить. Били все трое и пинали. У каждого была резиновая дубинка, и лупили меня по очереди или все сразу. Потом офицер СД отодвинул агентов и начал меня обрабатывать. Бил меня тонким кнутом, которым порассекал мне одежду, а потом почти всё тело. Кровь была у меня на руках, глазах, на голове. Даже на штанинах была кровь.

Потом меня перестали бить и велели сказать, с кем я ходил на цистерны и кто нас туда посылал. Мне обещали, что если

скажу, то получу пинка и пойду домой. Я не мог им рассказать того, что они хотели, т. к. никто нас не подговаривал, мы сами подговорились. Агенты начали меня снова бить, а потом два раза вытаскивали меня в туалет и на каменном полу обливали меня холодной водой. Потом уже не помню, бил ли меня ещё и немец и выволакивали ли меня ещё в уборную.

В послеобеденное время меня занесли в подвал, потому что сам я не мог спуститься. В подвале было темно и чертовски холодно. У меня всё болело, лежать получалось только на животе. Кожа на боках и плечах была рассечена. Пальцами двигать не мог. Сразу заснул и проснулся только ночью. Через маленькое окошко был виден кусочек неба и были слышны крики. Слышал немецкие команды и какие-то крики по-итальянски. Влез на ведро, которое стояло под окном, и посмотрел во двор. В углу внутреннего двора стоял автофургон, а на капоте был размещён прожектор, направленный на группу людей. По военной форме я сразу узнал итальянцев. Ещё нескольких из них вывели из здания и подвели к группе стоящих во дворе. Потом немец в фуражке эсэсмана с черепом велел им раздеваться. Когда итальянцы отказались, окружавшие их немцы начали их бить и пинать. Итальянцы начали раздеваться, но одновременно с этим громко кричали, а некоторые плакали. Всю форму, обувь и плащи побросали в кучу, а голых итальянцев загнали в автофургон. Кто-то открыл ворота, и фургон выехал, а за ним на открытом вездеходе — эсэсовцы. Вслед за ними выехали ещё два мотоцикла с пулемётами на колясках. Во дворе остались двое эсэсовцев и кто-то в гражданском. Начали обыскивать одежду. Мне стало плохо, и я слез с ведра на землю. До утра уже не мог заснуть и ждал, что со мной сделают.

Следствия больше не было. На следующий день ко мне пришли ДВОЄ: высокий верзила и офицер СС. Наверху в комнате был какой-то высший офицер СД. Высокий верзила сказал, что Брудас им всё рассказал, что я должен подписать протокол, и меня отошлют на принудительные работы. Показали мне заполненный протокол, но не позволили прочитать. Мне было страшно подписывать, потому что я не знал, что подписываю. Это мог быть мой собственный смертный приговор.

Мне связали запястья и подвесили между двумя окнами — напротив двери. Высокий верзила, которого называли Адамским, подтянул шнур так высоко, что я пальцами ног еле касался пола. Так я висел от 20 до 30 минут. После этого потерял сознание, а когда снова открыл глаза, то увидел Адамского и того офицера. Они меня уже сняли с крюков и о чём-то между собой разговаривали.

Адамский сказал мне, что у меня есть выбор: или рассказать всё о бензине, или — если не расскажу — мне сегодня наваляют ещё раз. Дали мне час на размышления и отвели в подвал.

Мне было ясно, что кто-то стуканул наугад и что немцы мало что о нас знали. Если бы было по-другому, то мне бы уже рассказали, что знают.

Через час пришли ко мне, но уже не били. Адамский только сказал, что скоро понюхаю мокрый песок. Запихнули меня в машину и поехали в сторону яновской рогатки. За яновской рогаткой и за еврейским кладбищем уничтожали людей в групповых казнях и поодиночке. Если намечалось уничтожение, то украинская полиция предварительно выгоняла пастухов со скотом, а евреи, приведённые из трудового лагеря СС,[61] копали ямы. Евреев отводили в сторону, а после казни они засыпали могилы. По дороге я немного молился, а немного осматривал людей и магазины.

За 200 метров перед въездом на улицу Яновскую машина резко повернула вправо, к тюремному дому на улице Казимировской.[62] Адамский вышел и позвонил. Открылись большие железные ворота, и машина въехала внутрь. Агенты помогли мне вылезти из кузова и отвели в комнату, где на дверях была размещена надпись «Канцелярия и камера хранения». Адамский вернул мне мои вещи, фотографии, портфель и электрическую лампочку.

Всё это, впрочем, тут же забрали у меня работники камеры хранения и по описи вложили в бумажный портфель. Какой-то старший начальник камеры хранения спросил ещё Адамского, нужно ли меня вписывать в книжку или я тоже пробуду только короткое время. Слышал, как Адамский ответил: «Не стоит вписывать — скоро мы его заберём». Потом Адамский вышел, а работники камеры хранения спросили, за что меня арестовали. Когда я им ответил, старший господин из камеры хранения сказал, что в таком случае и в самом деле нет надобности вписывать меня в книгу заключённых.

Потом охранники взяли меня под мышки и занесли в камеру на первом этаже в правом крыле здания. Когда открыли большим ключом двери камеры, в меня ударил такой смрад, как будто кто-то открыл туалетную выгребную яму. Охранник подозвал коменданта камеры и сказал ему найти для меня место, чтобы можно было лечь. Потом двери закрылись — я стал обычным заключённым.

Я находился в камере, которая называется «предвариловка». Оттуда только через несколько дней или недель переводят в камеру, в которой сидят уже до конца, то есть до смерти или до

освобождения. Иногда оттуда вывозят в трудовой лагерь, такие лагеря называются концентрационными. Пока сплю на животе, потому что сзади вся кожа рассечена, а руки толстые, как мешки.

Половина заключённых — это уголовные преступники, которые сидят тут за грабежи в еврейском гетто, за владение оружием. Сидят тут также и малолетние злодеи, низовые, выдры и те, кто запрыгивал на вагоны. Несколько человек сидят за убийство. В основном это украинские крестьяне, которые убили кого-то топором, палкой или из обреза. Один сидит за браконьерство.

За владение оружием немцы карают смертной казнью. Редко делают исключения, даже для украинца. Мне показали копию просьбы, которую прислал в Гестапо один украинец, приговорённый к смерти. Приговорённый представил немцам своё прошлое и антисоветскую деятельность и просил, чтобы ему смертную казнь заменили на первую линию восточного фронта. Вскоре после доставки прошения в Гестапо этого желающего идти на восточный фронт расстреляли в коридоре в Бригидках. За такие дела, как наше, держат до года, а потом или выпускают, или уничтожают.

Размер камеры — 20 квадратных метров, а пребывают в ней 113 заключённых. Слышал, как заключённые вспоминали, что в январе в камере было 150 человек. В камере сидят вместе уголовные преступники, политические и люди, которых посадили вообще без причины. Комендантом камеры является уголовный рецидивист Сташек Малявский, а управляет он вместе со своими приятелями или подельниками с воли.

На день заключённому достаётся порция хлеба, называемая тут «пайка». Такая пайка весит от 9 до 13 декаграммов.[63] Этот хлеб мокрый и липкий, как глина. К нему дают чёрный кофе из суррогатов. На обед готовят воду, в которой иногда можно выловить кусочек картошки или лист — неизвестно, капустный или крапивный. Вечером снова дают суррогатный кофе.

В камере спят на полу в четыре ряда. В ряду надо лежать на боку, потому что иначе бы столько людей не поместилось. Если кто-то хочет перевернуться на другой бок, то несколько человек около него тоже должны повернуться. Очень трудно ночью дойти до ведра, надо переступать через чужие головы, животы, ноги. В этом случае можно и схлопотать. Учитывая недостаток мест для сна, каждую ночь кто-то спит на ведре.

Если кто-то получает с воли передачу с едой, то он обязан пойти к коменданту камеры и попросить его, чтобы он выбрал из посылки то, что ему хочется. Поскольку на входе передачи всегда обкрадывают, то владельцу остаётся весьма немного. Есть,

правда, и такие смельчаки, которые сами выбирают для коменданта то, что хотят, и заносят ему. Не дай боже поссориться с комендантом или с кем-то из его шайки. Человеку тут же портят жизнь так сильно, что он или покончит с собой в камере, или сдастся. У меня таких забот нет, потому что мне никто ничего не присылает. Ни во время следствия, ни в тюремной камере хранения я не сообщал адрес семьи.

Слова «в мир» означают свободу. Эти слова часто повторяют в камере, в коридорах и даже сидя на ведре. Когда я вызвался добровольцем вынести ведро, то один из старших заключённых сказал мне, чтобы не думал, что мне удастся удрать. Немцы уже давно об этом подумали. В канале, в который выливается ведро, поместили решётку. Но всё равно, на всякий случай, во время опорожнения ведра, охранник, который стоит над открытым каналом, передвигает кобуру пистолета на живот. В этих условиях о побеге нечего и говорить. Как утверждают заключённые, якобы легко удрать из лагеря труда, из которого иногда забирают на работу в городе. Из этого следует, что пока нужно будет остаться тут. Неизвестно, представится ли случай для побега.

Сегодня нас перевели из предвариловки на первом этаже в камеру № 18 на втором этаже. Это камера для малолеток. Пребывают в ней заключённые от девяти лет от роду. Почти все — за налёты на вагоны. Заключённых тут пятьдесят, почти одни пацаны, только несколько людей постарше. В этой камере уже нет такой толчеи. Дышать легче. Но на одного заключённого приходится в день одна мисочка воды, которая должна служить ему и для мытья, и для питья.

Для администрации было обычным делом помещать в камеру для малолетних нескольких взрослых, чтобы дети-заключённые не воевали между собой и не дрались.

4 мая

Сегодня случилось тюремное чудо. Во время обеденной поры нам принесли котёл густого супа. Такого супа заключённым никогда прежде не давали. Суп был густой, и в нём плавали маленькие кусочки мяса, порезанные на ровные кубики. Мясо было белое и походило на куриное. Кроме того, в мисках было по 4–5 зёрнышек крупы. Мы были уверены, что немцы таким образом изобразили широкий жест по поводу достигнутого на каком-то фронте успеха или же дали нам лучше поесть потому, что на каком-то фронте получили по шкуре. Были и такие заключённые,

которые считали, что мясо происходит из испорченного эшелона, который предназначался для Вермахта.

Когда мы уже всё съели, отозвался один из заключённых — ветеринар, который сидел, мне кажется, за политику. Он нам сказал, что это мясо в сегодняшнем супе — кошачье, а это значит, что нас сегодня накормили супом с котом. В доказательство этого показал нам несколько кусочком этого мяса, которое выбрал из своей порции супа, и разъяснял, из какого они места происходят. Сказал нам также, что кто хочет пережить немцев, должен есть всё, что дают, и не смотреть в миску. После того, что сказал ветеринар, у некоторых людей началась рвота.

Отношения в камере паршивые. Если заключённый не принадлежит ни к какой шайке, жизнь его немногого стоит. Время от времени заключённые дерутся между собой. В камере есть несколько «крыс», то есть таких заключённых, которые ночью воруют себе еду.

Если «крысу» поймают, то, конечно, в зависимости от того, кто это, он получает порядочных тумаков. Дважды уже случилось, что заключённые убивали «крысу». В этом случае в отчёте указывают, что заключённый получил из дому посылку и переел. Тюремные власти никогда не проверяют, как оно на самом деле было, и труп выбрасывают в тюремный двор.

Парикмахер, который стрижёт заключённых, живёт на воле. Забирает записки только у тех, кто может за это дорого заплатить. С теми, кто ничего ему не может дать, не хочет даже разговаривать. Я просил его, чтобы он занёс ко мне домой известие, что я в быцирке,[64] но парикмахер мне сказал, что если его на воротах поймают с запиской, то ему могут всыпать 50 палок и посадить.

У меня нет другой возможности дать знать семье, потому что священник, который нас исповедует, тоже заключённый и не выходит на улицу.

За буханку хлеба в тюрьме дают пару обуви, а за хлеб и полкилограмма лука — часы. Даже луковая и чесночная шелуха ценны, потому что из этого делают папиросы. После выключения света заключённые соскабливают стеклом стружку с пола, обрывают лыко с метлы и курят это в газете.

Утром в камере стоит такой смрад, что глаза сами плачут. Если службу при ведре несёт плохой дежурный, то в камере образуется куча, а иногда и потоп. Но есть, однако, и те, кто делает вид, что не ощущают дыма.

5 мая

Сегодня ночью в камере умерло семь человек. Мы не знаем, умерли они естественно, то есть из-за голода и истощения, или тоже из-за того, что нам рассказал ветеринар о кошачьем мясе в супе. Сегодня нам тоже дали белое мясо, порезанное кубиками. Многие ели. Я старался не смотреть в миску, потому что хочу пережить немцев.

9 мая

Суп снова жидкий. Одна вода и немного разведённой картошки. Я распух, и хуже всего — ноги. В моё колено можно всадить кулак и ничего не будет видно. У меня в колене как будто толстая подушка. Говорят, что это вода.

16 мая

За преступление, совершённое против тюремных правил, отправляют в кацябу (камеру наказания) в подвалах строения. В зависимости от преступления, кацяба может быть строже или проще. За попытку бегства достаётся немалая взбучка и 14 дней кацябы. В таком случае заключённый получает в камере раз или два раза в день хлеб и воду.

Раз в неделю комендант камеры устраивает поиск насекомых. Все тогда раздеваются и ищут вшей. У меня их даже не так уж и много, но есть и такие, кто засовывает руку за пазуху и выгребает много живности.

Каждый вторник нас сгоняют в тюремные подвалы, где происходит мытьё, а тем временем одежду и одеяла подвергают дезинфекции в большом герметичном котле. Давление в котле слишком низкое, и вши не дохнут. Пар их усыпляет, а потом, когда надеваем эту одежду, вши просыпаются и грызут ещё хуже, чем прежде.

При входе в помещение с душевыми стоит охранник — чаще всего Пясецкий, но бывают и другие. Пясецкий держит в руках металлический прут и каждому, кто входит в помещение, поднимает этим прутом «петушка». Если из-за горячего пара ничего не видно, то Пясецкий помогает себе фонарём и проверяет, не обрезан ли заключённый. Пясецкий когда-то уже выявил таким образом еврея, который скрывался с липовыми документами. Теперь проверяет нас каждую неделю, несмотря на то, что знает каждого и знает, кто есть кто, откуда пришёл и за что сидит.

Если кто-то отодвигается назад на входе, то Пясецкий бьёт его прутом по «петушку».

3 июня

Сегодня нас вывели во двор и поставили в шеренгу. На другой стороне двора стоял покрытый стол, на котором лежали какие-то бумаги. В самом углу двора, на широком куске ткани, лежала куча пакетов. Около стола стоял немецкий комендант тюрьмы и какие-то женщины-польки. Начали нас вызывать по фамилии; каждый подходил к столу и получал пакет. Нам сказали, что это помощь польского опекунского совета, который нам раз в неделю будет давать эти пакеты.

От волнения у всех настолько отняло речь, что никто даже не поблагодарил. В каждой бумажной сумке была буханка хлеба весом в 1 килограмм, 12 кубиков сахара, связка лука (3–4 головки). В некоторых пакетиках вместо сахара был маленький пакетик искусственного мёда. Кроме того, некоторые нашли в пакетах святые образки. В камере сегодня был праздник. Никто не дрался за добавку супа. Заключённые наелись хлебом и спали.

Сегодня вечером двое из нашей камеры умерли. Начальник тюрьмы сказал, что это от переедания.

11 июня

Время от времени мне помогает Чесек Пшибыл. Мы знакомы ещё с довоенного времени, а моя мама покупала овощи на лотке пани Пшибыловой.[65] Хотя его семья разными способами присылает ему передачи, Чесё П. очень тощий и у него, наверное, больные легкие. Его схватили, когда он запрыгивал в почтовый вагон. Баншуцы-украинцы били его почти целую неделю. Чесек тяжело кашляет, и у него лихорадка. Комендант камеры говорит, что у Пшибыла, наверное, болезнь лёгких.

21 июня

Сегодня двое заключённых из нашей камеры совершили самоубийство. Это были работники почты, чьи дела были плохи, т. к. немцы подозревали их в чтении немецкой корреспонденции. Обоих били так, что у них поломаны руки и ноги, выбиты зубы. Пару дней назад жена одного из них прислала в белье записку, в

которой говорила, что в ближайшее время их снова будет допрашивать Гестапо.

Ночью, когда все спали, оба почтаря перерезали себе вены лезвиями, которые тайком носили при себе. Начальник тюрьмы уведомил об этом Гестапо, и через полчаса к нам прибыли два офицера с улицы Пелчинской. Немцы осмотрели тела почтарей и приказали выбросить их из камеры. Мы хотели отнести тела во двор, но гестаповцы сказали нам сбросить тела с крыльца вниз.

22 июня

Йоганн был сержантом в подразделениях СД. А сейчас он — большая фишка у нас в тюрьме. Посадили его за мошенничество и жульничество, но в тюрьме все его уважают. Даже начальник считается с Йоганном и слушает его советы. Сегодня мы драяли нашу камеру, поэтому двери на крыльцо часто были открыты. Йоганн приходит через определённые промежутки времени и разговаривает с заключёнными.

Комендант камеры спросил Йоганна, как выглядит ситуация на западном фронте. На это Йоганн засмеялся и ответил, что раньше, чем англичане придут во Львов, в городе не останется ни одного живого поляка.

Йоганн получает немецкие газеты, а в камере для немцев есть радио-точка.

1 июля

Стена нашей тюрьмы граничит с домами, в которых объединены украинская и немецкая полиции. Вход — с улицы Яховича.[66] С некоторого времени, может, недели 3–4, по ночам оттуда слышны выстрелы, а часто также крики и команды.

Сегодня ночью было трудно заснуть в камере: так шумно было в тех домах. Выстрелов было немного, но зато отчётливо были слышны крики избиваемых и истязаемых людей. Вопли были такие, что даже наихудшие уголовники в нашей камере не могли из себя выдавить ни слова.

8 июля

Комендант камеры, Малявский, схватил лихорадку, и его от нас забрали. Малявского перенесли в тюремную больницу. Пока

что мы без коменданта.

10 июля

Малявский умер в больнице. В тюрьме свирепствует тиф. Объявлен карантинный период. В это время даже охранникам нельзя покидать тюрьму. Можно общаться с семьями только по телефону. У нас должен появиться новый комендант камеры.

16 июля

В камере новый комендант — Казик Борецкий. Это злодей из злодейской аристократии, злодей-киндер, что означает высокий класс с точки зрения профессиональности и злодейских принципов. Борецкий нас не бьёт так, как это делал Малявский. Борецкий — справедливый и не признаёт авантюр между заключёнными. За воровство, совершённое одним заключённым у другого, Борецкий карает очень жёстко. «Крыса», пойманная на горячем, получает до ста ударов доской по заднице. За травлю украинца или еврея Борецкий изрядно бьёт.

Наш новый комендант камеры ожидает серьёзного приговора, поскольку в такси, на котором он ехал на работу, нашли оружие.

1 августа

Каждый вторник и пятницу приезжают «воронки», чтобы везти людей на расстрелы. После их отъезда в камере говорят, что тот или другой поехал «засрать песок». Всегда, как только зазвучит клаксон и послышится грохот открываемых ворот, люди забираются на ведро и считают, сколько фургонов приехало. После подсчёта фургонов узнают, сколько народу пойдёт сегодня в пески. На протяжении всего времени, пока фургон не выедет с территории тюрьмы, в камере господствует молчание. Иногда и целый час, а то и два никто не проронит ни слова. Одни молятся о том, чтобы не их вызвали, другие, то есть неверующие, очень нервно прохаживаются по камере или гадают на тюремных картах. Во время нахождения «воронков» в тюрьме никому нельзя выходить из камеры и всем задерживают пищу.

3 августа

Между Львовом и Томашувом-Любельским[67] случилась великая битва. Немцы задержали поезд из Львова, на котором ехали итальянцы. Ни у одного из итальянцев не было военного проездного документа. Жандармерия хотела их всех арестовать, но итальянцев было много и у всех было оружие. Офицер жандармерии ударил в лицо итальянского офицера, а тот вытащил пистолет и убил немца. Итальянцы начали стрелять из окон по жандармам, стоящим около насыпи.

Заключённый, который пришёл с воли, говорит, что бой длился около двух часов. Вагон был полностью изрешечён, а в самом вагоне и рядом с насыпью остались убитые. Итальянцы хотели добраться до леса, но им это не удалось. Немцам на помощь пришли бронеавтомобили. Немцы через громкоговорители крикнули, чтобы все, кроме итальянских солдат, вышли из вагонов. Потом приказали солдатам подчиниться и возвращаться во Львов. Итальянцы отказались, и тогда немцы открыли огонь из броневиков. Часть итальянцев перестреляли, а раненых связали и отвезли во Львов. Путейцы говорили, что ни один из этих итальянцев уже к себе в страну не вернётся.

По-видимому, итальянские подразделения во Львове быстро узнали обо всём, потому что в городе на улицах уже не видать обычных итальянских солдат. Ходят только патрули итальянской военной полиции. Итальянцы сидят по домам или в охраняемых вагонах на станции.

Теперь они, наверное, уже не особо будут пить водку с немцами. Путейцы рассказывали, что эти итальянцы выехали из Львова без разрешения и хотели вернуться в Италию или добраться до партизан.

7 августа

Возле нашей камеры есть маленькая камера, где держат типов, которые пытались совершить самоубийство. Такое самоубийство в тюрьме на здешнем языке называется «машиной». Сейчас сидит в той камере большой и толстый рыжий, который порезал себя лезвием. Ему зашили на месте живот и принесли в эту камеру около нас. Теперь охранник постоянно следит за ним через глазок.

Некоторые заключённые делают себе «машину» для того, чтобы их вывезли в тюремный госпиталь на Замарстынове, потому что оттуда намного легче смыться.

Чаще всего заключённые глотают гвозди, ложки и вилки. В

быцирке сидит один такой, который уже семь раз глотал тюремные ложки. После каждого раза ему опять разрезали живот и вытаскивали ложку обратно. Ему ни разу не удалось сбежать из госпиталя, поскольку сразу после зашивания его снова привозили в быцирк.

Во время выдачи обедов один из заключённых потерял сознание и упал головой в котёл. Охранник определил его в тюремный госпиталь, но на обратной дороге в камеру заключённый умер на лестнице.

14 августа

Сегодня привели в камеру охранника, у которого сбежал заключённый, конвоируемый им на следствие. Этого охранника знают все. Это украинец, который разными способами помогал заключённым. Несмотря на приказ стрелять по убегающему заключённому он не захотел применять оружие, а только гнался за убегающим. За бегство заключённого он получил неделю ареста.

Комендант камеры постарался насчёт того, чтобы охранник ни в чём не нуждался в камере. Его тут так кормят, как и на свободе не кормили. Комендант говорит, что таких охранников, как этот, надо очень беречь, потому что без них заключённый в быцирке долго бы не протянул.

18 августа

Сегодня во время мытья я заскочил в тюремную кладовку и взял две брюквы, которые засунул в штанины. Когда я выходил из кладовки, меня поймал охранник Пясецкий, обыскал и отобрал брюквы. В наказание меня посадили в карцер в подземельях тюрьмы. Целый день, аж до поздней ночи, я сидел, или, скорее, стоял в кацябе.[68] Пол в ней цементный, а вообще тут так холодно, что, казалось, ноги были из дерева или льда.

Пясецкий держал меня до конца своего дежурства. А после выхода из кацябы Пясецкий велел мне снять штаны и влепил мне 10 нагаек. Когда я вернулся в камеру, было уже темно, но Чесек Пшибыл дал мне мой остывший обеденный суп и кофе с ужина.

Во время обыска в камере один из заключённых выдал место, где прятались лезвия и карандаши. Никто ему ничего не сказал на протяжении остатка дня, а ночью ему устроили такую тёмную, что утром его забрали в тюремный госпиталь на Замарстынове.

Комендант камеры сказал, что ни один стукач не выйдет живым из тюрьмы, потому что даже если немцы его выпустят, то на свободе получит ножом за доносительство.

28 августа

Сегодня в нашей камере опять умерли двое заключённых. Один из них спал возле меня, но я ночью ничего не почувствовал. Обычно, когда встаёшь утром на перекличку, надо потрогать руки заключённых, лежащих с левой и правой стороны. Если они холодные, то, значит, в камере, как минимум, на одно сводобное место стало больше. На сегодняшний день трупов уже столько, что они не помещаются в деревянном ящике в тюремном дворе. К тому же начальник тюрьмы сказал укладывать тела на бетоне и прикрывать простынями.

Сегодня из тюрьмы сбежал человек, который был в поле зрения особого суда. Когда его провели в камеру хранения для улаживания формальностей, он воспользовался невнимательностью заведующего камеры хранения, вошёл в здание администрации и оттуда по водосточной трубе спустился на наружный дворик быцирка.

В наказание уволили со службы двоих охранников, а сотрудник канцелярии должен ответить перед немецким судом. Теперь, если кого-то из нас вызывают в тюремную канцелярию, то его сопровождает охранник с пистолетом.

3 сентября

Сегодня меня вызвали в камеру хранения, где меня ждал служащий полиции безопасности. Он спросил, удалось ли мне уже привыкнуть к тюремным харчам, а также намерен ли я оттуда освободиться? Приказывал мне сообщить фамилии лиц, которые подстрекали нас сливать бензин. Когда ответил ему, что таких лиц никогда не было, немец ударил меня по лицу и велел возвращаться в камеру.

6 сентября

Комендатура тюрьмы, пытаясь воспрепятствовать нам выстреливать на свободу записки при помощи рогаток, повесила с внутренней стороны окон сетку с маленькими ячейками. Через

два дня в камере был уже новый способ выбрасывания записок. Комендант Борецкий сказал отщепить кусок ножки от кровати. Для маскировки мы откололи дерево с внутренней стороны кровати так, что спереди ничего видно не было. Из куска дерева и смазанной жиром верёвки мы сделали лук, а из узких деревянных щепок — стрелы. Для утяжеления стрел используются гвозди или намотанная проволока. Вокруг такой стрелы привязывается записка, сама деревяшка высовывается через ячейку сетки и вкладывается в лук. Стрела перелетает через огород, стену и приземляется на ул. Яховича.

Стрелять можно только тогда, когда нет встречного ветра. Одна стрела уже приземлилась в огороде, и было по этому поводу много неприятностей. Начальник тюрьмы устроил поверку, а охранники тщательно обыскали всю камеру. Распороли даже все тюфяки, но ни лук, ни стрелы найдены не были.

Теперь надо быть очень осторожными, потому что начальник объявил, что в случае перехвата стрелы заключённые будут переведены в разные камеры.

14 сентября

Сегодняшний день был мрачным для нашей камеры. За полчаса до разноса котлов с супом приехали фургоны с эсэсовцами. Начальник тюрьмы взял список имён и ходил по камерам. Вместе с ним ходил эсэсовец. Когда в коридорах закончилось движение и мы подумали, что это уже всё на сегодня, двери камеры открылись, а в них встал начальник. Со списка, который был у него в руке, он прочитал фамилию самого младшего заключённого нашей камеры — одиннадцатилетнего Гжеся. Ему приказали забрать все вещи, но Гжесь сказал, что там, куда он идёт, ему ничего не понадобится. Вообще он не спешил и раздал товарищам одеяло, миску и бельё.

Когда он уже вышел и двери за ним заперли, в камере поднялся шум. До этого мы не знали, за что на самом деле Гжесь сидел. Мы были уверены, что за вагоны, поскольку Гжесь был известен среди вагонарей нашей камеры. И лишь сейчас кто-то, кто знал дело Гжеся, рассказал, как обстояло дело.

Итак, как-то раз Гжесь, идя по рельсам, нашёл малюсенький пистолетик, похожий на дамский. Гжесь поднял пистолетик с земли и носил с собой. Несколько дней спустя, во время заскока на вагон с пшеницей его поймали. Когда баншуцы во время обыска нашли у него оружие, то уведомили Гестапо. Адвокат, которого наняли родители Гжеся, с самого начала говорил, что

дело нехорошее. Несмотря на это родители Гжеся вкачивали в гестаповцев огромные деньги, чтобы вырвать мальчишку. В последний раз ему сказали в записке, чтобы был готов к наихудшему, потому что ничего не удалось уладить.

С того дня Гжеся было в камере не слышно. Лежал целыми днями на своём сеннике, и ничто его не волновало. Не съедал даже своей пайки хлеба. Чувствовал, что дела его плохи, но об этом не говорил никому из знакомых, кроме одного.

Через несколько минут после отбытия эсэсовского фургона нам в камеру принесли суп. Охранник, который следил за раздачей супа, сказал коменданту камеры, что у заключённых сейчас во дворе отобрали посуду и одеяла, потом приказали им раздеваться до белья и впихнули в машину.

Охранник говорил, что из заключённых только один Гжесь плакал и просил присутствующих во дворе охранников сообщить семье.

20 сентября

В тюрьме с нами вместе сидят украинцы, и бьют их так же, как и нас. Например, Николай Сыцай является националистом, но, несмотря на это, во время тринадцатимесячного следствия его избивали несколько десятков раз. Ему выбили пару зубов, сломали обе руки, отбили почки. Николай уже не верит немцам. Он бледен лицом, говорит очень тихо и только о еде.

Николай говорит нам, что пойдёт на пески, потому что у него дело, связанное с оружием. Брат Николая служил в украинской полиции, и они вдвоём убили человека. Николай утверждал, что били палками, но немцы нашли в теле убитого несколько отверстий от пистолетных пуль.

23 сентября

Сегодня студент-заключённый ударил в лицо охранника, который ему сказал «курва твоя мать». Заключённого поместили в карцер, а после этого охранники пошли его бить. Пошмецюх сказал, что студента расквасили «на аминь». Его уже даже не возвращали в камеру, а сразу отвезли в больницу.

Начальник тюрьмы сказал, что в тюрьме охранники всегда правы, а вместо Священного Писания существует свод тюремных правил. Нам дали понять, что за «вяканье» на охранника заключённый пойдёт в карцер и получит 25 плетей по голой

заднице. Заключённый, который ударит охранника, будет записан на эшелон в концлагерь.

Теперь уже, наверное, никто из заключённых не ударит охранника.

1 октября

Сегодня, как обычно, вывели нас на прогулку по цементному тюремному двору. Мы сделали уже пятый или шестой круг, когда из тюремной канцелярии вышли два человека. Один — работник администрации, а второй — в чёрной форме украинского полицейского. Гражданский держал в руке какую-то карточку и громко вызвал меня по фамилии. Я был уверен, что это уже конец. Видимо, полицейский особый суд вынес приговор и прислали украинца, чтобы меня забрать. Комендант камеры задержал голову гуляющей колонны и спросил меня, почему я не выхожу. Я сказал, что не спешу на пески. В ответ на это подошёл украинский полицейский и сказал мне, смеясь, что принёс для меня освобождение. Я ему не верил, потому что кто ж видел, чтобы полицейский в чёрной форме приносил освобождение?

В тюремной камере хранения тщательно проверили мою личность, и начальник вытащил большой бумажный кулёк, на котором чернилами была написана моя фамилия. Высыпал содержимое кулька на стол и велел мне вспомнить, всё ли это, что у меня было в день ареста. Мне отдали портфель с фотографиями отца и Юлика, молитвенную книжечку и электрическую лампочку. Начальник тюрьмы спросил меня, нет ли у меня замечаний насчёт состояния моих вещей, сданных на хранение.

Да глупый же вопрос! А если бы были, то как бы это мне помогло?

Начальник сказал, что я свободен и что немецкая власть даёт мне шанс начать новую жизнь. Пока должен вернуться в камеру, а тем временем канцелярия уладит формальности, связанные с моим выходом на свет. В камере меня обступили сокамерники и спрашивали, что было внизу. Сказал им, что, возможно, это враньё, потому что за уничтожение вагонов идут на пески. Комендант Борецкий пояснил мне, что от тюремного охранника знает про какую-то частичную амнистию и что в первую очередь под неё подпадают украинцы и несовершеннолетние заключённые поляки.

Мои приятели дали мне записки и адреса своих семей, у которых я мог бы остановиться. Комендант дал мне сапоги,

потому что на воле нельзя ходить босиком. Все меня целовали, а комендант сказал: «Помни, больше сюда не приходи». Поскольку я не верил немцам, что меня действительно выпускают на свободу, то мы договорились, что после выхода перейду за тюремную стену со стороны улицы Яховича и помашу в сторону окон своей камеры. Точно в полдень охранник открыл дверь камеры и приказал мне выходить. В канцелярии мне дали Eintlassungsshein (карту освобождения) и сопроводили до выхода. Пока шли через оба внутренних двора, я ничего не слышал. Однако, когда дошёл до главных ворот, услышал сразу все отголоски города. Постовой открыл ворота и сказал мне идти.

Тут же, за воротами, стояли люди с передачами для заключённых. Все уставились на меня, как на нечто, заслуживающее исключительного внимания. Я не знал, что их так заинтересовало, потому что давно уже себя не видел. В тюрьме не было зеркал, а если бы и были, то и так бы в них никто не заглядывал из страха, что увидит что-то очень грустное.

Пришлось идти очень медленно, потому что сил не было, я был очень лёгкий. За воротами уже была улица Казимировская, полно машин, людей, трамваев и криков. Дошёл до уличного фонаря и упал в обморок. Когда очнулся, надо мной стояли люди с передачами для заключённых. Какой-то сапожник с Замарстынова посадил меня в конную повозку и сказал, что возьмёт меня к себе, чтобы я мог набраться сил. Обувь не держалась на ногах, потому что была широкой, а ноги — как две тросточки. У сапожника меня взвесили на магазинных весах. Я весил 29 килограммов.

5 октября

На протяжении нескольких дней я жил у сапожника. Меня тут хорошо кормили, давали выспаться и ничего не велели делать. Дочка сапожника стирала и шила мне разные вещи. Мои великоватые сапоги мне заменили на меньшие. Я отдохнул и мог уже ходить, не держась за стены.

Сегодня пошёл к семьям моих знакомых, отдал им записки и передал им приветы и новости. К сапожнику уже не вернулся. Остался у семьи Адама из восемнадцатой. Его родители и братья подарили мне одежду, несколько платков и выделили мне место для сна.

6 октября

Лишь сегодня пошёл на свою улицу. На Замарстынове отыскал Юлика. Он мне рассказал, что мой младший брат вскоре после моего ареста вышел из дому и уже больше не вернулся. Ему было 10 лет, но он всё ещё шепелявил. С момента его исчезновения мать ходила как будто не в себе. И вот однажды, в мае, вышла и больше домой не вернулась.[69] Юлик живёт теперь у дяди с тётей, которые его содержат. Он мне сказал, что после моего ареста все были уверены, что меня схватили во время взлома вагонов и расстреляли.

12 октября

Начинаю приходить в себя. Юлика вижу редко, потому что он дальше живёт у дяди с тётей, а я у чужих людей. Сил у меня всё больше, и скоро пойду на вокзал.

13 октября

В DRK даже не особенно знали, за что я сидел. Думали даже, что меня расстреляли или вывезли в Германию. Когда я первый раз пришёл на вокзал, меня накормили и разрешили приходить на работу. Начал на кухне — у пана Романа. Теперь немцы не допускают уже диких[70] работников. Платят людям каждый месяц зарплату и выдают трудовые книжки.

Я должен предоставить немцам свою метрику, потому что без неё не принимают на работу гражданского человека.

14 октября

Около железнодорожного вокзала, у забора, лежат тела двух евреев, умерших от голода. Также вдоль улицы Замарстыновской и во многих местах на Клепарове лежат останки умерших от голода евреев. Сначала тела собирали, но этих тел уже настолько много, что только два раза в неделю украинская полиция ездит на грузовиках и собирает трупы. Тела закапывают или жгут на штабелях на Кортумовых Горках.

Теперь уже не все евреи прячутся перед акцией. Есть те, кому уже всё равно. Когда полиция за ними приезжает, они сами забираются в кузова и едут в газовые камеры.

15 октября

Пан Роман позволяет мне приходить на работу и даже попросил начальницу сестёр Немецкого Красного Креста, чтобы меня трудоустроили. Теперь мне уже не нужно стараться заработать побольше, потому что у меня нет на содержании семьи. Юлику не нужна моя помощь, потому что у дяди, у которого он живёт, дела идут неплохо.

23 октября

На работу каждый день хожу рано, а возвращаюсь домой поздним вечером. Нанял себе совместную комнатку, или, скорее, кухоньку на улице Бочковского[71] — это боковая Городецкой. Жильё обходится дёшево, потому что плачу частично деньгами, а частично хлебом. В кухоньке стоит кровать, на которой мы спим со вторым сожителем;[72] зовут его Зайчик или как-то в этом роде. Мы друг другу не представлялись, потому что нет надобности. Этот сожитель ещё более нищий, чем я, потому что у него нет работы. Мне кажется, что он — законченный лентяй. Каждый день лазит в комитет Главного Опекунского Совета и там попрошайничает. Нашёл себе какую-то старую графиню, которая этого смердюка жалеет, да ещё и даёт ему пакеты с едой или направления на обеды. Уговариваю Зайчика, чтобы он приходил на вокзал и пошустрил немного, но он боится, да ещё и рассказывает какие-то глупости о том, что немцы его поймают и застрелят. Зайчик обладает чертовски крепким желудком и жрёт всё, что бы то ни было. Кроме того, у него много вшей, и из-за него завшивела уже наша общая кровать. Каждый вечер, когда я возвращаюсь с работы, Зайчик уже меня ждёт, а точнее, ждёт жратву.

Обычно рассказывает, с какой графиней разговаривал сегодня, кого поцеловал в руку и что в ближайшие дни получит. Потом, как бы нехотя, спрашивает меня, что мне сегодня удалось урвать на работе. Всего хочет попробовать, а потом жрёт, как минимум, половину того, что я приношу. Когда я иду в воскресенье на работу, он говорит мне, что идёт в церковь и что не пропустит воскресных богослужений. Временами делает вид, что хотел бы вместе со мной пойти в костёл Св. Эльжбеты, хотя прекрасно знает, что я должен в воскресенье работать.

Паршивый тип этот Зайчик. Мне кажется, что он в воскресенье ходит к проституткам и заносит им пачки кофе и сахара, которые на протяжении недели выцыганивает у меня. Наша хозяйка даёт мне понять, чтобы я особо не доверялся Зайчику, потому что он ненадёжный тип. Зайчик, хотя Богом

клялся регулярно платить за проживание, до сего дня не дал ни гроша, а живёт уже несколько месяцев. Кроме того, Зайчик то проклинает немцев, то хвалит их.

У меня уже есть бумага о трудоустройстве в НКК. Всё было бы хорошо, если бы не одна вещь. Дело в том, что припёрся на кухню высокий, старший тип, который похож на профессионального мясника. Этот тип хочет выкурить с работы меня и Николая. Тип знаком с немками, потому что работал уже у них когда-то, до того, как я пришёл на вокзал. Кроме того, этот тип лучше нас говорит по-немецки и легче может решать свои дела с начальницей сестёр.

1 ноября

Сегодня перевозили только раненых эсэсовцев с вокзала Подзамче на Главный. Мы хотели
носить им багаж и заработать, но нас прогнали, а Николай отхватил пинка от эсэсовских санитаров. Машинист нам сказал, что это солдаты разбитого батальона дивизии СС «Викинг».[73]

Перед выносом эсэсовцев на перроны, оттуда убрали всех гражданских пассажиров, уборщицу, польку, которая не успела вовремя сойти в туннель, эсэсовец избил ногами и запер в уборной. Сразу после эсэсовцев на Главный вокзал заехали трамваи Красного Креста с ранеными румынами. Эти на протяжении почти двух часов ждали в коридорах и на перронах, пока им подадут поезд. Сестры румынского Красного Креста с ненавистью говорят о немцах и отдают польским женщинам продовольствие и лекарства.

Во время движения поезда румынские солдаты выкидывают через окно пачки папирос.

3 ноября

Немецкая жандармерия поймала солдата, который постоянно поставлял продовольствие полякам и в своих письмах присылал в Германию известия от польских семей для вывезенных на работу лиц. Этого солдата разоружили и отослали в тюрьму на Замарстынове. Его невеста — сестра Красного Креста на Главном вокзале — хотела совершить самоубийство, но её спасли, и сейчас она в немецком госпитале на Лычакове.

18 ноября

Сегодня с самого утра за город вывозили людей, которые принадлежали к тайной студенческой организации. Почти все вывезенные — это студенты, чьё обучение прервала война. Вечером уже было известно, что студентов расстреляли, а могилы сравняли с землёй, чтобы никто не мог откопать тела.

Немцы вывозят людей на работы в Рейх. Иногда людям удаётся по дороге сбежать, и тогда они возвращаются в город. Немцы забирают на работы даже украинцев и лупят их так же, как поляков.

На Главном вокзале немецкие солдаты развесили новые пропагандистские надписи. На Клепарове какие-то люди разоружили немцев и забрали у них целый грузовик амуниции. Украинская полиция и Шупо устроили обыск во многих домах на Клепарове и забрали несколько человек. Люди говорят, что часть амуниции спрятана в гетто.

Немцы приказали отдавать лыжные ботинки, толстые зимние носки, меховые воротники и кожаные куртки. Кроме того, надо отдавать лыжи, тёплые рукавицы и офицерскую обувь. Всё это должны получить солдаты на фронте. Немцы объявили, что после указанного срока будут реквизировать эти вещи и даже будут снимать обувь с ног прямо на улице.

27 ноября

Через Львов проезжают на запад транспорты немецких колонистов с Украины и лежащих за ней территорий Советского Союза. Всех этих немцев поселят в Судетах и Восточной Пруссии. Колонисты ничего не хотят говорить и ведут себя так, будто только что вернулись с семейных похорон.

Около собора Св. Юра немцы обнаружили склад оружия и аммуниции. Сразу же начались аресты среди украинских студентов.

Жандармы без причины застрелили сегодня женщину, которая переходила через железнодорожные рельсы на Клепарове. При убитой нашли две буханки хлеба и пропуск работницы казарм жандармерии.

29 ноября

Вчера немцы вывезли на Кортумовку транспорт венерически

заражённых женщин и расстреляли их. Среди женщин, судя по всему, были и украинки. В тот же день вечером львовские проститутки и альфонсы пошли на Кортумовку и разрыли могилу. Потом опознавали знакомых и подруг. Несколько тел с собой забрали проститутки. Альфонсы снова засыпали яму и оставили на месте пустые бутылки из-под водки.

3 декабря

На Клепарове кто-то убил двух немецких солдат. В ответ на это немцы полили бензином три дома и подожгли их. Когда люди хотели выбежать из пылающих домов, немцы стреляли в их сторону и загоняли обратно. На место приехала пожарная охрана, но немцы не позволили гасить огонь и избили пожарника, который подсоединял шланг к гидранту.

Вечером люди устроили на месте пожара поминальную службу о душах трёх семей, сожжённых в домах. Украинская полиция хотела разогнать молящихся, но люди не отошли с места пожара. Полицейские подождали окончания службы и приказали людям убрать пожарище.

11 декабря

Из тюрьмы на Лонцкого убежали двое заключённых. Во время преследования охранник применил оружие и вместо убегающих попал в пожилую женщину. Когда прохожие сообразили, что женщина мертва, то догнали охранника и забили его буквально в 20 метрах от тюремной стены. Немцы устроили в том месте облаву и арестовали двадцать молодых мужчин. У двоих из них нашли войсковые ножи, и этих немцы расстреляли на месте. Оставшихся забрали на улицу Лонцкого.

17 декабря

В украинской газете пишут, что германская армия использует плановое отступление своих войск, чтобы позже ударить с большей силой. Железнодорожники говорят, что войска, которые отступили, никогда уже не вернутся на утраченные места. Путейцы знают много, потому что постоянно ездят на транспортах в Россию и обратно.

Те, кто ездит на Украину, говорят, что русская партизанщина

настолько сильна, что немцы без танков и бронемашин не входят в деревушки, расположенные вблизи лесов. Один из путейцев показывал газету, сброшенную с русских самолётов на деревни и города. Такая газета состоит из одной страницы и содержит сведения о потерях немецкой армии.

На всех главных улицах немцы разместили мегафоны и объявляют через них, что происходит на фронтах. Люди говорят, что через мегафоны немцы рассказывают о том, что им для себя хотелось бы, а не то, что происходит на самом деле.

24 декабря

Сегодня немцы так напились и обожрались, что с ними можно было сделать, что хочешь. Мы вместе открыли двери склада и погрузили на тележку несколько больших, 10-килограммовых блоков масла. Кроме того, мы забрали кучу консерв, кофе, сыра и банок с молоком. За такое количество продовольствия сейчас можно купить хату. Николай говорит, что следует брать у немцев всё, что только можно, хоть бы и пришлось это всё раздать людям даром.

Почти полчаса длилось наше пребывание на складе, и на протяжении этого времени ни патруль, ни один немец нам не помешали. И уже только когда мы должны были отъезжать, из своей будки вышел старый охранник, который всегда хвалился, что служил в Белой гвардии.

Николай велел старику поклясться, что он никому не скажет, что нас видел. Николай дал ему понять, что если охранник «пустит пар», то это ему даром не пройдёт. У Николая есть такие люди, которые у него берут любое количество продовольствия. Я свою часть поделил на две половины: одну продал и купил себе одежду получше и вторую пару обуви, а остальное — остаток масла и мяса — отдал семьям Кшивоней и Белявских. В то время, когда мой отец находился в заключении и во время его болезни, они присылали нам еду и деньги.

После того, как блоки были отвезены домой, мы с Николаем вернулись на вокзал. Все баншуцы были пьяные, почти никто не стерёг вагоны. Мы пришли на пути за итальянскими складами. Возле насоса стоял вроде как запломбированный вагон. Когда мы с Николаем снимали пломбы, из-за вагона вышел баншуц с автоматом. До того, как он успел нас задержать, Николай вогнал ему штык в живот. Штык этот служил для разбивания пломб. Мы оставили баншуца на земле около вагона и убежали. Но не успели мы ещё добежать до кухни, как услышали выстрелы из автомата,

свистки и крики со стороны путей за складами.

25 декабря

Сегодня даже немцы празднуют. В столовой стоит большая ёлка, а под ёлкой много бутылок водки и вина. Немцы обжираются мясом и сырами и каждые несколько минут выбрасывают во двор пустые бутылки. Николай смог уже продать и свою, и мою части. Посоветовал мне, чтобы не ходил на кухню, пока не выяснится, заметили немцы что-то или нет. Николай живёт у своей сестры, к которой ходит украинский полицейский. Поскольку тот полицейский видел блоки масла, то Николай сказал ему, откуда они взялись.

Полицейский посоветовал как можно скорее продать блоки и не оставлять в квартире следов. Целый день мы ходили по городу и через окна квартир смотрели на рождественские ёлки.

На площади Сольских[74] батьяры избили пьяных немцев, которые обидели девушек. Сразу после этого приехала украинская полиция, но площадь была уже пустой.

Несмотря на то, что вокруг беда и голод, люди заключают браки. Сегодня в костёле Св. Анны состоялось несколько бракосочетаний, даже немцы приостанавливались и удивлялись, когда из костёла выходили дамы, одетые в белое, и господа в костюмах. Тут же возле костёла есть прокат брачных одежд, и владелец этого дела неплохо зарабатывает.

27 декабря

Николай беспокоится, как будто чего-то боится. Всё так же не позволяет мне ходить на вокзал. Сам пошёл, а по возвращении сказал мне, что дела плохи. Немцы нашли тело баншуца и заметили нехватку блоков масла. Более того, тогда же, когда мы уже отошли от путей, кто-то забрал автомат баншуца. Немцы считают, что это была работа одних и тех же людей.

Николай говорит, что, несмотря на это, нужно пойти на вокзал, чтобы на нас не пало подозрение немцев. Мы с Николаем договорились, что и как должны говорить, если к нам прицепятся. Завтра пойдём на работу на вторую смену, причём должны говорить, что 24 декабря в полдень мы попрощались и с тех пор друг друга не видели. Николай на всякий случай рассказал об этом деле полицейскому, который уже является женихом его сестры. Полицейский советовал, чтобы мы ни в чём не

признавались, так как немцы не могут знать, кто это сделал. Разве что кто-то видел и донёс.

30 декабря

Чувствовал опасность, грозящую со стороны украинцев — работников DRK, но должен был вчера прийти на вокзал, чтобы узнать, что там слышно. Обратил внимание, что в тот момент, когда я открыл двери котельной, высокий Янек тут же куда-то вышел. Я сообразил, что Янек мог пойти уведомить немцев. Я вышел из будки и старался как можно скорее уйти с территории DRK. Но не успел дойти до ограды, как немцы перегородили мне путь, а другие зашли сзади. Жандармы завели меня в дом, где управлял комендант Frontleitstelle.

Жандарм с бляхой на шее наклонился и сказал что-то коменданту, а тот встал и ударил меня по лицу. После этого комендант уселся и приказал мне рассказать о том, что мы делали на складе DRK и с кем. Я сообщил ему лишь своё имя и добавил, что о деле ничего не знаю. Комендант меня уже больше не бил, а жандарм сковал мне руки и завёз в войсковую тюрьму на Замарстынове. Тюрьма эта принадлежит Вермахту, и тут держат только немецких военных или солдат союзнических армий. Охранники носят форму Вермахта и регулярно передают передачи.

Сегодня меня привезли на допрос в комендатуру жандармерии на улице Баторого. Допрашивал меня седой уже, высокий полковник. Сказал мне через переводчика, что если не скажу правды, будут меня бить так, что кожа отвалится от костей.

Создалось впечатление, что мой переводчик немного по-своему переводит офицеру следствия то, что я говорю.

1943 -В ПРЕДДВЕРИИ КАЗНИ

3 января

Три раза был на следствии. Каждый раз всё начиналось одним и тем же и одинаково заканчивалось. Переводчик во время дознания бьёт меня по рукам.

4 января

Посадили меня в машину и повезли в быцирк на Казимировскую. Немногое тут изменилось на протяжении последних трёх месяцев. Начальник тюрьмы узнал меня и поприветствовал, как хорошего знакомого. Когда конвоирующий жандарм показал ему бумаги, начальник скривился. Сам проследил за формальностями, связанными с принятием, а когда меня отвели в камеру, сказал, что в этот раз мне не удастся покинуть тюрьму через главный вход.

Меня уже не впустили в камеру номер 18, в малолетку. Посадили меня в партере, в камеру номер 3- Это камера рецидивистов и заключённых, приговорённых к смерти. В камере меня приняли сердечно. Я там самый младший заключённый, и комендант камеры, Яся Жежник, обещал мне, что никогда в этой камере не буду пухнуть с голоду.

7 января

В камере сидит Ясь Папинко, который со мной ходил в одну школу. Ясь на четыре года старше меня. Год назад он около своего дома из револьвера убил двух жандармов, но немцы до сих пор его не пустили в расход. Ясь говорит, что, если просидит 13 месяцев, значит, его не шлёпнут, а отошлют в лагерь или освободят. Семья Яся пихает золото и доллары гестаповцам на Пелчинской, и поэтому Гестапо задерживает расстрел.

Ясь уже старый и любимый другими заключёнными. Кроме того, он сильный, а его родители пользуются уважением всей голытьбы Клепарова. Яся защищает меня и блюдёт мои интересы в камере. Сокамерникам рассказывал о благородном происхождении моей мамы и о военной службе отца.

13 января

Охранник рассказывал, что сегодня немцы вывезли в Винники взбунтовавшееся венгерское подразделение и там расстреляли из пулемётов. Венгров раздели в казармах Вермахта на Клепарове и повезли на пески полуголыми. На обратной дороге немцы застрелили паренька, который запрыгнул в кузов и хотел украсть пару венгерских ботинок.

На Яновской улице немцы обнаружили тайную типографию. Возле машины застрелили женщину-наборщицу, а потом расстреляли домоуправляющего, его жену и шурина.

27 января

Вчера нам целый день не давали есть, поскольку заключённый из другой камеры ударил в лицо охранника и выбил ему зубы. Начальник тюрьмы сказал, что в качестве наказания заключённые на протяжении двух недель не будут получать передач, причём как из дома, так и из опекунского совета.

3 февраля

Охранник сказал нам, что такого количества раненых солдат, как сейчас, через Львов ещё никогда не провозили. Охранник говорит также, что немцы перевозят уничтоженную технику. Во Львове сейчас очень много войсковых госпиталей, потому что раненых уже нельзя завозить в Германию. Почти каждый день железные дороги, мосты и города подвергаются бомбардировкам русских и англичан.

Немцы объявили, что если кто-то предоставит укрытие сбитому пилоту, то его расстреляют, а дом его сожгут. Охранник рассказывал, что после того, как подбили русский самолёт над Брюховичами, немецкая полиция нашла в лесу парашют и при помощи собак начала искать пилота. Поскольку немцы никого не нашли, то сожгли пансионат, который стоял в лесу недалеко от места, где приземлился лётчик.

11 февраля

Сегодня немцы привезли к нам заключённого после следствия. Заключённый был избит и окровавлен, к вечеру он

умер.

Ночью освободили одну камеру в подвале, которая до того служила для отбывания заключёнными дисциплинарных наказаний. Два часа спустя в камеру привезли итальянских офицеров. Итальянцы получают неплохое питание, и им можно в камере курить сигареты. Пошмецюх говорит, что не хотел бы получать этого питания и оказаться в шкуре итальянских офицеров. Начальник заявил, что каждый, кто попробует контактировать с офицерами, поедет ближайшим же поездом в концентрационный лагерь.

Итальянцы хотели дать нашим заключённым сигареты, но охранники не позволили, а наших заключённых переместили на 2 этаж.

15 февраля

Сегодня в женской камере умерла молодая девушка, которую немцы держали под следствием на пл. Галицкой. Её подозревали в систематическом саботаже на почте. Тело девушки начальник сказал положить в свободной камере возле прачечной.

19 февраля

За итальянцами сегодня ночью приехали эсэсовцы, велели им раздеваться в коридоре и завезли в соседние Бригидки, где 11 офицеров расстреляли.

До меня сегодня довели акт обвинения. Он составил семь страниц машинописного текста на немецком языке. Я немного знаю этот язык, но если бы не помощь политического заключённого в камере, то я понял бы не всё. В акте перечислены обвинения против меня и против ребят из нашей компании. Возле каждого обвинения поставлен соответствующий параграф. Заключённый, который помогал мне переводить акт, насчитал аж три параграфа, грозящие смертной казнью.

Расправу[75] назначили на 20 апреля 1943- В акте ничего не написано о том, можно ли мне иметь адвоката. Начальник тюрьмы сказал мне, что каждый несовершеннолетний получает защитника от правительства, так что мне не нужно беспокоиться.

Ему хорошо говорить, ходя в полицейском мундире и не имея трёх параграфов смерти.

Из акта обвинения ясно следует, что крышка однозначно. Беспокоиться не о чем. Единственный шанс — это сбежать, когда

будут вести на суд.

27 февраля

Сегодня ночью русские лётчики бомбили аэродром в Скнилове. Парикмахер говорит, что с самого утра двадцать машин «скорой помощи» крутились туда и назад из Скнилова до города. Парикмахер рассказывает, что ночью на скниловском аэродроме было очень много немецких самолётов и какая-то важная фигура приезжала из Берлина. Похоже, немцам придётся перенести аэродром куда-то в другое место, потому что Скнилов основательно разрушен.

1 марта

Сегодня в 5 часов утра из камеры вызвали Яся Папинка. Когда Ясь попросил, чтобы ему позволили одеться теплее, ему ответили, что нет надобности. За Ясем приехало Гестапо с улицы Пелчинской. Завезли его в Бригидки и тут в коридоре зачитали ему смертный приговор. Охранник рассказывал нам, что Ясю сковали руки сразу же в коридоре, а в Бригидках после чтения приговора застрелили из автомата. Поскольку Ясь после получения очереди был ещё жив, комендант тюрьмы, который любил Яся, добил его из своего пистолета: не хотел, чтобы Ясь мучился.

В камере грустно, потому что Ясь был весёлый и защищал слабых.

7 марта

Охранники говорят, что в городе введено чрезвычайное положение, поскольку на Персенковке[76] нашли двух повешенных эсэсовцев. В ответ на это немцы расстреляли двадцать заключённых с улицы Лонцкого; тела позволили забрать семьям. Теперь даже украинцы не уверены за свою жизнь и, возможно, именно поэтому стараются лучше уживаться с поляками.

Во время вывоза на пески из тюрьмы на улице Лонцкого один из евреев бросился на офицера СС и перегрыз ему горло. Еврея утопили в тюремной прачечной. Охранники говорят, что после этого случая немцы будут связывать проводом вывозимых на пески.

11 марта

Сегодня ночью в женской камере повесилась молодая девушка.

14 марта

Из тюрьмы сегодня забрали людей на транспорт. Шестьдесят восемь заключённых повезли в несколько лагерей. Вывезли их до рассвета и у всех отобрали тюремные одеяла и миски. Транспорт конвоировали шуповцы, которые уже в тюрьме начали бить выезжающих заключённых.

18 марта

Заключённые из камеры № 4 устроили голодовку потому что охранник изуродовал одного из арестантов. Начальник тюрьмы обещал, что охранника накажет, и призвал прекратить голодовку. Заключённые отказались и дальше не принимают пищу.

21 марта

Охранник, который покалечил заключённого, в наказание был переведён в Станислав.[77] Заключённые сказали, что прервут голодовку, если покалеченный заключённый будет немедленно переведён в госпиталь. Через несколько часов после этого начальник позволил отвезти заключённого в госпиталь. Одновременно начальник ходил по камерам и объявлял, что охранники больше уже не будут бить заключённых.

24 марта

На протяжении всей ночи были слышны выстрелы. Охранники говорят, что это полиция сражалась с бандитами в окрестностях Яновского кладбища, но это не похоже на правду, потому что ведь обычные бандиты не могли иметь столько оружия и такого запаса патронов.

27 марта

В камеру привели двух новых заключённых с воли. Оба работали на железной дороге, и арестовали их на станции Подзамче. Рассказывают, что сейчас транспорты с ранеными немцами приезжают непрерывно днём и ночью. Гражданским уже нельзя разговаривать с ранеными солдатами, потому что немцы не хотят, чтобы люди узнали, как русские бьют немецкую армию. Оба, несмотря на запрет, торговали с немцами, и во время обыска у них нашли несколько тысяч штук немецких сигарет.

Поскольку их допрашивала жандармерия, предполагается, что судить их будет Sondergericht.[78]

2 апреля

Сегодня ночью над городом пролетали русские самолёты, которые разбомбили казармы немецкой артиллерии. Охранник говорит, что около сотни немцев было ранено, в том числе около двадцати офицеров. Люди рассказывают, что русские хотели таким образом убедить немцев, что это война по-настоящему, а не «прима априлис».[79]

Как только немцы отхватывают по башке, так сразу с нами в тюрьме обращаются хуже. Например, сегодня мы получили обед с задержкой в несколько часов.

13 апреля

Сегодня освободили много женщин. Видимо, это какая-то амнистия, но только для женщин, потому что из мужчин не выпустили ни одного. Питание с каждым разом всё хуже, и дают его с каждым разом всё меньше. Всё больше находим в супе червяков и другой дряни.

20 апреля

С самого утра охранник принёс новую рубашку, обувь и мыло. Дал мне это всё и приказал хорошо умыться, обувь вычистить пастой или слюной и быть ГОТОВЫМ к 9:30.

Сокамерники считают, что меня подвергнут смертной казни, и советовали убегать. Лучше всего было бы удрать по дороге в суд, но можно также попробовать по дороге назад. Комендант камеры говорил, что если смешаться с толпой, то охранники не смогут стрелять. Яся Жежник советовал мне убегать, поскольку

ничем не рискую. Если меня расстреляют сейчас, то не расстреляют потом.

20 апреля вечером

За судейским столом уселось несколько человек, в их числе один немец в форме офицера. Один из них зачитывал акт обвинения, а какой-то тип, сидящий в конце стола, переводил на польский язык. Прокурор обвинял нас троих: Николая, Януша Кжшивого и меня — в том, что в ночь с 24 на 25 декабря 1942 года мы находились на боковой железнодорожной ветке Главного вокзала. Прокурор утверждал, что само наше пребывание там уже было преступлением, тогда как у нас явно были ещё плохие намерения. Именно в ту ночь оказался разбит товарный вагон, в котором, кроме кожи, сигарет и шоколада, находилась форма для воинского соединения. В ту же ночь патруль жандармерии нашёл возле вагона труп баншуца, проткнутого штыком и с размозжённой головой.

Прокурор обвинил нас во взломе склада DRK, затем вагона и убийстве работника линейной охраны. Одновременно с этим обвинял нас во всех преступлениях, которые совершались на Главном вокзале с ноября до 29 декабря 1942 года.

Прокурор желал для Николая и Януша по 15 лет заключения. Для меня требовал троекратного смертного приговора, поскольку я, как он утверждал, неисправим. При этом прокурор основывался на том, что я уже подвергался заключению немецкой властью за подобные вещи.

Судьи даже не пошли на совещание в другое помещение. Склонились друг к другу над столом — так и совещались. Потом тип в мундире офицера СД велел всем встать, и судья зачитал приговор. Когда он закончил, какой-то гражданский перевёл приговор на польский язык.

Николай и Януш получили по 15 лет заключения, а меня приговорили к смерти по трём статьям немецкого законодательства. Ни одному из нас не полагалась апелляция. Когда перевели приговор, в зале сделалось так тихонько, как будто тут находились одни умершие. Потом нас вывели, потому что суд должен был судить кого-то ещё. Обратно ехали на машине, под эскортом. Когда мы выходили из здания, люди пихали нам еду, бельё, цветы. В этот раз охранники не особо мешали, так что вернулись мы в камеру, нагруженные жратвой, какой уже долгое время не видели.

Сегодня могу спать спокойно, потому что меня не шлёпнут в

день приговора. Хуже будет с завтрашнего дня, потому что неизвестно, от чего зависит теперь приведение приговора в исполнение. Комендант камеры сказал, что у меня ещё три месяца жизни, а за это время может многое произойти. Сейчас «воронки» уже не приезжают по вторникам и пятницам, а только тогда, когда есть кто-то, кого надо казнить. Раньше можно было спать спокойно пять дней в неделю, а теперь уже стало можно и всю. В последний раз заключённого забрали из нашей камеры в четверг, так что могут и меня взять в любой день.

24 апреля

Прошло три дня от слушаний. В первый день ел нормально, но сейчас совершенно нет аппетита. На четвёртый день за мной могут уже прийти. В камере меня уже никто не задирает, уступают место возле котлов с супом, а те, кто получает передачи из дома, делятся со мной. Кажется, они просто хотят как-то скрасить мне то, что я пойду на пески, в то время как они будут жить дальше.

27 апреля

Раньше я интересовался каждым, кто приходил в нашу камеру из мира. Сейчас меня это мало волнует. Поляков и украинцев редко приводят, разве что это рецидивисты. Если в камеру приводят еврея, то только затем, чтобы ночью или максимум утром забрать его на транспорт на пески.

29 апреля

Сегодня в камере было жарко, пролилась кровь. Два преступника подрались между собой. Яся Жежник бил своего подельника с воли, кажется, за оскорбление воровской чести. Тот второй — Теодор — старше Яси и слабее. Не дал ему сдачи ни разу, только говорил: «Ладно, бей меня, я сейчас не могу ответить».

Кроме меня в камере есть ещё двое приговорённых к смерти. Один из них — старший — молится целыми днями, а часто и по ночам. Второй играет в карты от подъёма до выключения освещения. Кажется, что перед смертью он хочет обыграть всех шулеров в камере.

2 мая

Охранник рассказывал, что вчера немцы повесили в тюрьме на улице Лонцкого двоих коммунистов, из них одну женщину.

4 мая

Сегодня приехал гестаповский фургон с улицы Пелчинской. Из двух камер забрали людей, у которых не было приговоров, но их дела были плохи. Охранник сказал, что им приказали забрать все вещи и их выписали из тюремной книги.

Такое ожидание смерти — хуже самой экзекуции, ибо сама смерть не так тяжела, тяжело лишь ожидание. Теперь, когда у меня уже есть приговор, мне интересно, из какого оружия меня застрелят: из винтовки, автомата или из пистолета. Может, так случится, что только ранят и присыпят тонким слоем земли. Тогда был бы шанс спасения жизни. Вроде бы, немцы уезжают сразу после казни. Хуже, если какой-то из них захочет добивать раненых — тогда нужно будет умирать по-настоящему.

Временами разговариваю на эту тему с комендантом камеры, но он советует мне об этом не думать.

7 мая

В камеру привели путейца, которого подозревают в нападении на почтовый вагон. Путеец говорит, что все старые вагоны немцы приказали восстановить, поскольку им не хватает транспорта для перевозки своих раненых из России в Германию.

Во Львов привезли большое количество французских военнопленных, которые до этого работали на юге Украины.

11 мая

Охранник Сокольский застрелил во время побега заключённого из рабочей камеры. Начальник сказал, что такие охранники должны родиться на камне и то же самое постигнет каждого, кто попробует одурачить тюремного охранника.

23 мая

Сегодня спросил Ясю Жежника, когда меня могут забрать на расстрел. Комендант камеры сказал мне, что он думает, что смерть не такая уж страшная. Хуже её ждать. Сказал мне ещё, что жизнь — чёртова штука и что на небо нельзя идти вот так сразу. Надо ещё перед этим отмучить своё.

Наша тюрьма наполовину пустая. Часть людей расстреляна, а остальных или выпустили, или вывезли в лагеря. Меньше всего осталось женщин. Наконец начальник установил такой порядок, чтобы всю добавку супа и кофе отдавать для женских камер и для несовершеннолеток.

8 июня

В тюрьму привели группу украинских парней и поместили их в пыточной камере возле прачечной. Вместе с ними приехали следователи Гестапо, которые всю ночь калечили украинцев.

На рассвете всю группу вывезли на пески.

19 июня

Начальник тюрьмы устроил медицинское обследование всех заключённых. Такой помпы у нас ещё не было. До сих пор от тюремного лекаря можно было получить бинт, йод и пластырь. Никакие болезни в тюрьме не лечили и не принимали просьб об осмотре специалистом.

23 июня

В камере номер семь заключённый совершил самоубийство. В эту же ночь перерезал себе горло какой-то фольксдойч из камеры на первом этаже.

25 июня

Ещё до попадания в тюрьму не раз слушал, как люди говорили о войне. Все на свободе верят в то, что немцы эту войну проиграют. Люди говорят между собой, как будут резать эсэсовцев и жандармов, а шпиков, которые служили немцам, будут вешать на уличных фонарях. Теперь уже ясно, что немцы войну проиграют. Вопрос только в том, что война должна

продлиться ещё какое-то время. Многие из тех, кто сидит в тюрьме за кражу, убийство и мошенничество, переживут войну. А я уже свою войну с немцами проиграл.

Все мои исписанные листки отдал пану Анджею. Это порядочный человек. Перед войной работал в университете. Сидит за то, что вынес из войскового магазина, в котором работал, пакет с жиром, чаем и лекарствами. Пан Анджей получит маленький срок и выйдет на свободу. Обещал мне словом чести, что мои записи вынесет из тюрьмы и отдаст на свободе моему учителю из школы им. Ленартовича[80] — пану Хрыстовскому.

Поскольку на расстрел иногда берут и на рассвете, то уже сейчас отдал листки пану Анджею, потому что потом, когда за мной придут, случай может и не представиться. Кроме того, каждый раз, как что-то записываю, отдаю пану Анджею свежезаписанный листок. Сейчас у меня достаточно бумаги, успеть бы только её исписать. Семья пана Анджея присылает ему передачи, запакованные в чистую, белую бумагу, на которой можно писать.

27 июня

Люди, которые приходят с воли, рассказывают, что немцы посылают в газовые камеры многих итальянских солдат, которые не хотят воевать на Восточном фронте. Таких итальянцев разоружают и вывозят за город, в окрестности еврейского кладбища и Кортумовых гор. Тут происходят массовые казни. Евреи-заключённые сооружают штабеля из дерева, обливают их нефтью, бензином или жидкой смолой. Над штабелем находится доска, что-то вроде помоста. Когда итальянец входит на эту доску, эсэсовец или украинец стреляет ему в затылок и сталкивает вниз в огонь. На протяжении дня штабеля укладываются по несколько раз. Под вечер весь пепел вывозится в неизвестном направлении.

Точно таким же образом убивают заключённых-поляков из Львова и близлежащих населённых пунктов.

1 июля

Сегодня опять случилось чудо в быцирке, а если это не чудо, то, в таком случае, ошибка в канцелярии Гестапо. Открыли нашу камеру, а начальник объявил, что заключённые поедут в трёх

транспортах в Стрый, Самбор[81] и ещё куда-то — названия уже не помню. Потом прочитал список, и на списке в Стрый была моя фамилия.

В камере уже давно было известно, что Стрый — это лёгкая тюрьма. Если я присутствую на том списке, то только по ошибке. Об амнистии не может быть и речи. Амнистировать можно приговорённого к смерти по одному параграфу, но не по трём.

Позавчера охранник сказал Ясе Жежнику, что на прошлой неделе польские партизаны убили пятерых солдат из вспомогательных войсковых подразделений. Может, нас вывозят в Стрый для того, чтобы там расстрелять в ответ за убитых эсэсовцев?

Сегодня в камере спят только двое. Остальные гадают в голос между собой и строят планы на будущее. Хотел бы заснуть, но не могу. Если ошибка не раскроется, то завтра буду сидеть в поезде, а в дороге всегда предоставляется больше случаев для бегства, чем в камере.

2 июля

С самого утра нас разбудили и дали завтрак. Кроме того, мы на дорогу получили по полбуханки хлеба и куску мармелада. Из города привели большое подразделение полиции, которое нас должно конвоировать на станцию, а потом в вагонах. Некоторых заключённых связали, и ещё до того, как город проснулся, нас погнали пешком в сторону Главного вокзала. По дороге изредка встречались люди. Было очень рано. Мы проходили мимо знакомых улиц и домов. Возле костёла Св. Эльжбеты нас задержали на 5 минут.

На вокзале нас поместили в транспорт в зарезервированных вагонах. На каждого заключённого приходилось по одному полицейскому. В вагоне нам разрешили есть и курить, но запретили разговаривать между собой.

В Стрые за нами так внимательно следили на станции, что о побеге не могло быть и речи. Даже если кому-то было надо пойти в уборную, то с ним шли двое полицейских.

3 июля

Сразу после приезда поезда на станцию нас построили в шеренгу и под усиленным конвоем отвели в тюрьму. В длинном коридоре состоялась наша первая перекличка. Комендант тюрьмы

носит офицерскую форму гранатовой полиции, но потом мы узнали, что это фольксдойч. С самого начала избил по лицу двоих заключённых за то, что неровно встали в шеренгу. Потом произнёс речь и предупредил нас, что умеет справляться с парнями из Львова. Сказал, что если будем слишком чванливыми, то он сумеет нас размягчить. Начальник просмотрел документы заключённых и распределил нас по камерам. Очень странно, что меня с приговором УС[82] определил в камеру, где находятся мои знакомые с маленькими приговорами — от шести месяцев до двух лет. Это может быть ошибкой, а может и чем-то ещё.

4 июля

Из окон нашей камеры видно тюремное здание на другой стороне внутреннего двора. Тот второй дом занят только евреями. Их, а также тех, кого поймали в лесах, круглые сутки привозят из разных городков, сёл. У евреев маленькая камера, и каждый день кто-то у них умирает от удушения, истощения, голода. Перед еврейским зданием стоит колодец — ручная помпа. Когда евреи выходят за водой, некоторые охранники бьют их и издеваются.

Комендант тюрьмы уже застрелил несколько евреев на тюремном дворе. Сегодня беременная еврейка качала воду из колодца. Комендант приложил пистолет к её животу и выстрелил.

9 июля

Ночью нас разбудили, отсчитали 15 человек, которым приказали выйти в коридор. Потом нас посадили в машину и вывезли за город. Вместе со мной были те заключённые, у которых были маленькие сроки: год, максимум полтора, — так что я не допускал, чтобы нас могли везти на расстрел. Прежде, чем мы приехали на место, успело рассвести. На холмах за Стрыем, где нам приказали выйти из кузова, были выкопаны глубокие ямы, способные поместить целую сотню людей. На месте уже стояли шуповцы (Schutzpolizei) — украинцы — и несколько эсэсовцев. Все были в касках, а за поясом у них были гранаты. Нам приказали сесть сбоку и дали нам одну пачку сигарет на всех пятнадцать человек. Немцы стали возле своих машин и громко между собой разговаривали.

Скоро начали приезжать крытые жандармские грузовики. Из машин выводили евреев. Кроме них было несколько поляков — взрослых и молодёжи. Этим людям велели раздеваться и

складывать одежду в одном месте. Когда все уже были нагие, взрослых отделили от детей.

Раздетых установили по десять человек над ямой, а на другой стороне ямы располагалось подразделение из десяти немцев, которые по команде стреляли. Тех, кто не упал сразу, нам приказали столкнуть в яму. Многие из расстрелянных были ещё живы, когда мы бросали их в могилу. Когда целый десяток лежал уже в яме, немцы велели нам отодвинуться на 100 метров и издалека бросили по несколько гранат.

Все эсэсовцы — немцы и голландцы — были подвыпившими. Только их командир был трезвый. Время от времени какой-то голландец пинал кого-то из нас, и это должно было означать, что мы не особо быстро сталкиваем тела в могилу. Детей расстреливали отдельно. Одни дети громко кричали, другие изумлённо ожидали залпа. В последней группе подлежащих расстрелу было уже только восемь детей. Этих расстреливали семеро эсэсовцев-голландцев и один украинец-полицейский, который непонятно, откуда тут взялся.

Когда после залпа дети попадали, мой знакомый по камере — Роман — сказал мне тихонько, чтоб ни один эсэсовец не слышал: «Падают, совсем как подкошенные тюльпаны».

У меня в голове шумело от криков, залпов и запаха крови, перемешанного с запахом пороха. Я не особо был в курсе, что это за тюльпаны такие. Роман мне объяснил, что это такие голландские цветы.

Немцы загрузили в кузова одежду расстрелянных, приказали нам садиться и завезли обратно в тюрьму. От украинского полицейского мы узнали, что группка поляков, подвергнутых сегодняшней экзекуции, была казнена за укрывание евреев.

13 июля

Сегодня из нас выбрали более десяти человек и под сильным конвоем украинской полиции провели семь километров по шоссе в сельскохозяйственное имение СС в селе Угерско.[83] Когда мы пришли, нам сказали, что мы будем работать в поле и что будем получать лучшее питание по сравнению со стрыйской тюрьмой. Гауптштурмфюрер СС, который является директором имения, предостерёг нас от попытки бегства. Сказал, что не верил, чтобы кому-то нечто подобное вообще могло удаться, но в случае поимки беглецу грозит смерть.

Угерско раньше принадлежало князьям Любомирским. В имении, кроме застроек, складов, конюшни и коровника,

находится большая винокурня, в которой гонят спирт для немецкой армии. Шефом имения является гауптштурмфюрер СС, хромающий на одну ногу, нервный толстяк, бьющий всех по любому поводу. Если выходит из себя, то лупит в одинаковой степени как заключённых, так и украинцев, живущих в селе. Кроме него в имении есть несколько голландских эсэсовцев и один унтер-офицер СС — немец. Все они творят в округе, что хотят. Свободно могут убить любого человека, независимо от его национальности и положения.

Немцы-эсэсовцы такие злые, что не могу этого описать, но голландцы ещё хуже.

Местный учитель, украинец, сказал, что это отбросы голландского народа и что, в случае чего, их перевешают сами голландцы.

Голландские эсэсовцы носят немецкую форму с черепами на фуражках и лацканах, а на шеях — цветные шёлковые шарфы. Поляками брезгуют, и чаще пинают поляка, чем с ним разговаривают.

Украинец, который живёт при дворе, говорил нам, что перед войной ездил на работу в Германию и Голландию и знает голландцев. Утверждал, что таких, как наши эсэсовцы, не встречал в Голландии никогда. Эти, должно быть, какие-то преступники или извращенцы. В имении есть ещё и второй директор-украинец. Это уже старый человек, националист, который одинаково ненавидит и немцев, и поляков.

Крестьяне из деревни Угерско разные. Одни рады тому, что происходит, другие клянут немцев и украинских националистов. Случается, что украинец ударит поляка, но почти никогда этого не делают пожилые люди.

Даже охранник, который нас сторожит ночью, говорит, что немцы не справятся на всех фронтах одновременно и что «шляк их трафит».

29 июля

Нашёл во дворе круглый значок, который всегда носил Хелё. На кружке размещён Hackenkreuz (свастика), а вокруг надпись по-голландски. Занёс его голландцу Хелё. Когда я ему заявил, что у меня к нему дело, он мне приказал встать в трёх метрах от него и говорить. Я ему отдал фашистский значок и сказал, где я этот значок нашёл. Хелё на это сперва ничего не ответил, а потом вынул сигарету («Юно» или «Салем») и дал мне. Сказал, что я получу ещё сигарет.

7 августа

Сегодня нас отвели, как обычно, в поле на работу на зерновом оборудовании. Во время работы мы услышали со стороны двора несколько выстрелов. Надсмотрщик, который за нами следил во время работы, сказал, что, наверное, немцы стреляют по индюкам или по кротам. Во время обеденного перерыва мы узнали, что в то время произошло во дворе.

Итак, с утра, сразу после нашего выхода в поле, приехал из Стрыя гестаповец в униформе, который нанёс визит гауптштурмфюреру. Через полчаса после этого гестаповец покинул кабинет, а шеф ходил какой-то взволнованный. После этого он приказал, чтобы к нему пришли все евреи, задействованные как специалисты в дворовой винокурне. Химику велел сказать, что хочет снять пробы спирта с последнего производственного цикла. Лакировщику приказал принести счета за последний месяц. Помощнику мастера приказал прийти за заказом, поскольку он был кожевником. Все приглашённые явились, и тогда шеф поставил их в известность, что гестапо в Стрые прислало унтер-офицера, которому поручено ликвидировать евреев из Угерска. Объяснил также, что в этот раз не может их спасти от уничтожения.

Оказывается, гауптштурмфюрер, который по неустановленным причинам защищал от руководства своих евреев, имел на своей совести преступление против власти. Так вот, он знал о том, что еврей-химик оборудовал в одном из котлов укрытие, где находились его жена, отец и семилетний сынок. Эсэсовец никогда не заговаривал об этих делах со своим химиком, и так продолжалось какое-то время. Однако в этот раз не было смысла погибать самому, а семью приговаривать к голодной смерти в укрытии. Вернулись они вместе, а гестаповец отвёл их к углу большого двора. Тут возле дворовой кухни для погонщиков находилась глубокая яма, служащая когда-то местом для компоста. Первым сошёл вниз лакировщик. Гестаповец выстрелил сходящему в затылок из винтовки и так же поступил с помощником. Хуже было с семьёй химика. Старый отец дал себя застрелить без сопротивления, но маленький мальчик вцепился в отца и с плачем кричал: «Папочка, они нас застрелят?» Химик сильнее схватил мальчика рукой и стянул с собой в яму. Погонщики нам рассказывали, что он успокаивал ребёнка, говоря: «Не бойся, теперь уже будет покой».

Последней погибла жена химика, и перед тем, как погонщики присыпали их землёй, один из них, Федька, снял с еврейки лифчик. Ошарашенным крестьянам сказал, что женщина

отстирает кровь и получит полезную вещь.

Гауптштурмфюрер в тот день больше не выходил из дворца. Погонщики нам говорили, что он пил. Нас в тот день на поле не били и не гоняли. Вернулись мы тоже раньше, чем обычно, и по одному ходили смотреть на место, где лежали присыпанные песком евреи, расстрелянные сегодня утром.

14 августа

Почти весь день работаем в поле, а вечером нас закрывают в охраняемом доме. Вокруг этого дома ходит вооружённый украинец с армейской собакой. Работа на прополке свёклы довольно тяжёлая, и норму выполнить трудно. Во время работы голландцы часто нас бьют. Нельзя ни минутки отдохнуть, иначе голландец тут же пинает по плечам, по бокам.

В одном из маленьких особняков имения размещена сельскохозяйственная школа гитлерюгенда. Это парни и девушки до 16 лет. Парни носят стилеты с чёрной или коричневой рукояткой. Нами, заключёнными, брезгуют и относятся к нам с презрением. Чаще всего работают на выделенных участках, но бывает и так, что работают вместе с нами. В таком случае им приказывают отзываться на наши обращения, а говорят они только по-немецки, хотя некоторым это не совсем удаётся. Среди них есть множество славянских детей, чьи родители приняли фольксслист. Однако есть среди них и дети райхсдойчей — сыновья и дочери немецких урядников, полицейских, военных. Как утверждает украинская придворная служба, парни и девушки спят друг с другом и состоят в гитлеровских временных браках.

14 сентября

Сегодня во время полевых работ имел место не встречавшийся до этого случай. Как обычно, во время работы Хелё лазил за нами и подгонял заключённых. В какой-то момент Хелё подошёл к группе работающих парней из гитлерюгенда и сказал им, что они лениво работают. Никто из них не ответил, но и никто не внял его замечанию. Тогда Хелё опять обратился к ним с обвинением, что они слишком медленно работают. На это кто-то из старших парней громко припомнил эсэсовцу, что его не для того поставили, чтобы надзирал на немцами, а лишь затем, чтобы наблюдал за работой заключённых. Хелё отругал парня, но тот не остался в долгу с ответом. С громким криком напомнил

эсэсовцу, что член ГЮ является свободным человеком и не позволит, чтобы его кто-то унижал, и тем более не немец, а какой-то голландец.

Сразу после этого Хелё ушёл с поля и встал себе на меже. Курил одну сигарету за другой и держал нас в тот день до самой ночи, ещё долго после того, как ушла группа ГЮ.

25 сентября

Сегодня рано утром, ещё до того, как мы смогли выйти на завтрак, в дверях встали два немца с нашивками СД на манжетах рукавов. Огласили мою фамилию и фамилию Кайтка. Велели нам забрать свои вещи и быстро выходить. Во дворе стоял грузовик со знаками полиции, а возле неё толстый шеф и голландец Хелё. Нам обоим связали руки сзади и втолкнули в кузов.

Я заметил, что даже эсэсовцы из Угерска были удивлены таким поворотом дел. Грузовик выехал на шоссе, ведущее в Стрый. По приезде в города нас завезли не в тюрьму, а в совершенно другое место: в дом, который немного напоминал сарай, а немного — дирекцию полиции. Нас отвели вниз, в подвал. Там было несколько камер с открытыми дверьми. Нас впихнули в одно из этих помещений, а верёвки с нас сняли уже в камере. Кроме нас в камере был десяток других людей. Все были поляками. От них мы узнали, что все они ожидают расстрела. Некоторые из них были заложниками, а остальных привели из тюрьмы. Вечером нам в камеру прислали ксёндза, который сказал, что будет исповедовать желающих. По-моему, четверо заключённых исповедались. В камере нам дают хорошее питание, и в довольно большом количестве. Нам разрешили написать по одному письму семьям. Мне не особо есть кому писать, так что я и не тороплюсь.

26 сентября

В подвальном коридоре постоянно стоит один немец-полицейский с автоматом. За поясом у него торчат палочные гранаты и пистолет парабеллум. Нас тут не бьют и не пихают. Ведро с помоями нам выносить нельзя, это делают два украинца, одетые в чёрную форму. Когда нам подают еду или открывают двери для очистки ведра, в коридоре стоят, как минимум, трое немцев с автоматами, готовыми к стрельбе. Мне кажется, немцы боятся, что мы рискнём на них напасть.

Нас сейчас в камере двенадцать, места хватает всем. Спим на земле, потому что немцы боятся дать нам кровати. А то мы ещё кровати разберём и из ножек и рам сделаем оружие. В камере сейчас так же, как было во Львове в то время, когда забирали на расстрел. Одни молятся, другие играют в карты. Немцы играть не запрещают и позволяют держать карты.

Из этого всего ясно следует, что немцы обнаружили свою ошибку, сообщили об этом в стрыйское гестапо, и меня включили в транспорт на расстрел. Тут, в камере, это называется «чёрным транспортом». Некоторые из заключённых выписывают на стенах камеры свои фамилии и даты прибытия.

27 сентября

Сегодня в камеру привели украинца, который вместе с нами пойдёт на расстрел. Этот тип всё время ходит, как пьяный. Сначала, когда узнал, что находится среди одних поляков, залез в угол и не хотел с нами разговаривать. Потом, когда заключённые угостили его едой, он нам рассказал, за что его приговорили. Звать его Дмитрий Гречка и служил он перед этим в Вермахте, а потом в украинской полиции. Во время одной из казней он отказался стрелять в поляка, который был его школьным товарищем. Позже, вместе с группой других украинских националистов, взбунтовался и ушёл в лес. Немцы приказали взбунтовавшимся сложить оружие, но украинцы отказались, и начался бой. Часть украинцев погибла, других взяли живыми, среди них был Гречка. Немцы в тот же день созвали полевой суд и приговорили националистов к отправке в концлагерь, а Гречку — к смерти. Дмитрий считает, что его спасут приятели, которые занимают весомое положение. Кроме того, его родной брат работает в гестапо. Время от времени Гречка клянёт немцев жутким образом.

Вечером, когда мы должны были ложиться спать, двери отворились и кто-то подал Гречке посылку с продовольствием. В передаче было письмо к Гречке. Его приятели и брат пишут, что дело очень тяжкое и нет уверенности в том, что удастся его спасти. Теперь Гречка вообще упал духом. Не разговаривает с нами, только попросил у охранника бумагу для написания прошения, конверты и чернила. Через час получил это всё и теперь беспрерывно пишет. Когда мы ложились спать, Гречка всё ещё строчил. В камере свет горит всю ночь, так что писать можно хоть до упаду. Немцы оставляют свет, потому что хотят постоянно иметь нас на виду.

28 сентября

С самого утра Гречка получил две передачи, а раз его даже вызвали в коридор. Когда вернулся в камеру, то был бледен и руки его тряслись. Нам ничего не хочет говорить, но кажется, что его приятели не могут ему помочь. Наверное, печально умирать, особенно в обществе заключённых-поляков, которых ещё недавно Гречка бил и унижал.

Сразу после обеда в камеру зашёл офицер СД и устроил перекличку. Потом сказал нам, что в камере находятся только приговорённые к смерти, что приговор будет приведён в исполнение 1 октября. Уведомил нас, что завтра нас переведут в другое место, где мы будет пребывать аж до препровождения нас на экзекуцию. Потом сказал также, что приговоры выносит не он, а высшая власть, а утверждает губернатор. Офицер напомнил нам, чтобы мы спокойно вели себя во время перевозки и во время казни. Сказал, что не хочет быть вынужденным к жестокому обращению с нами в такую минуту и потому просит о спокойствии.

Один из заключённых сказал, что не воспользовался раньше возможностью и не исповедовался, так что теперь просит привести ксёндза. Офицер объяснил, что, к сожалению, не может удовлетворить просьбу, так как ксёндз также был заключённым, приведённым из тюрьмы в Стрые. Ксёндз был приговорён к смерти упрощённым судом и в тот же день, когда нас исповедал, казнён.

После выхода немцев из камеры люди ходили так, будто из них выкачали кровь. Один только пожилой господин плакал, но делал это тихонько, и это никому не мешало. Гречка сказал нам: «Ну, господа, тут на земле мы дрались между собой, а в земле будем все равны». Потом Гречка добавил ещё, что он не уверен, должны ли нас расстрелять 1 октября, как обещал офицер СД. Быть может, что как раз завтра нас отведут не в иное помещение, а сразу на исполнение приговоров. Вечером никто из нас не притронулся к ужину, а заснули мы только под утро. С тех пор, как нас предупредили о казни, в коридоре сидят уже несколько охранников, потому что слышно, как они между собой переговариваются.

30 сентября

Наверное, когда мы вчера утром вставали, никто из нас не подумал бы, что день закончится именно так. С утра нас довольно

хорошо покормили и сказали собрать вещи. В камеру нам дали два ведра воды, рисовую щётку и метлу. Охранник сказал нам хорошо вымести и выдраить камеру. К полудню камера была чистенькой, а наши вещи — упакованными. Заключённые писали на стенах и играли в карты. Больше всех нервничал Гречка. Обед был такой же, как и всегда, только во время выдачи порции немцы тщательнее осматривали камеру и сказали нам по одному подходить к баняку. Мы съели немного супа, а остальное вылили в ведро. Немцы сегодня не выносили вёдер, и в камере воняло, как в сортире.

Около третьего часа пополудни мы услышали какой-то сдавленный крик, а сразу после этого как будто кто-то ударил по полу железом. Потом с минуту было тихо, и, наконец, мы услышали в коридоре человеческие голоса. Кто-то отворил двери, и увидели мы весьма дивную картину. Трое наших охранников были без оружия, а руки их были подняты над головами. За ними в камеру вошли трое солдат также в немецкой форме. В руках они держали автоматы, направленные на охранников. Немцев из СД отвели в угол камеры и приказали им лечь лицом на пол. Потом другие люди, тоже в немецкой форме, завели в камеру остальной персонал дома, в котором мы находились в заключении. Один из прибывших обратился к нам на польском языке и велел быстро выходить наверх. Сказал ещё, чтобы мы не обращали внимания на немецкую форму его товарищей — они были вынуждены так одеться, чтобы без риска добраться до города.

Объяснил, что партизанский отряд сопротивляющейся Польши даёт нам свободу и не даст нам погибнуть. И не успели мы выйти, тот же самый солдат, мне кажется, командир группы, сказал нам, что мы сейчас увидим партизанскую справедливость. Приказал всем разоружённым немцам усесться под стеной лицом к нам. Сосчитал персонал нашей тюрьмы. Их было пятнадцать. Командир партизан дал знак одному из своих людей, а тот снял с предохранителя небольшой пистолет и подошёл к охранникам СД. Он по очереди приставлял каждому из них пистолет к сердцу и стрелял. Потом сменил магазин в пистолете и положил остальных немцев. Остался ещё один, и тогда командир сказал, что заключённые могут его убить сами. Гречка взял у партизана пистолет и выстрелил последнему немцу в живот и в сердце. Некоторые немцы ещё были живы и корчились на полу. Партизаны вывели нас во двор, а оттуда — к воротам. Находившийся в воротах постовой в немецком мундире и каске стоял по стойке смирно. Перед воротами встали две немецкие машины. В одну посадили нас, заключённых, а в другой разместились одетые в немецкие мундиры партизаны. Последним

сел постовой.

Машины тронулись с места, проехали без препятствий через город, а потом выехали на шоссе. Поняли лишь, что едем в направлении, противоположном от Львова. Машины ехали довольно быстро. Через час с небольшим грузовик подпрыгнул на неровном грунте, а потом поехал уже по мягкой местности, как будто по просёлочной дороге. Когда грузовик остановился, кто-то отвернул тент и приказал нам высаживаться. На поляне, тут же возле лесной дороги, стояли около пятидесяти людей, вооружённых и одетых частично по-немецки, частично в зелёную форму венгерских войск. Все были как будто в состоянии готовности, и было похоже, что ждали нас. Поприветствовали нас весьма сердечно, так что некоторые из заключённых даже всплакнули. Потом мы пошли с партизанами в глубь леса — в лагерь, который был от дороги удалён на 3–5 км. До вечера каждый из нас делал, что хотел, а к сумеркам нас собрали вместе и сказали рассесться вокруг костра.

Командир группы объяснил нам, что нас освободила партизанская группа, но характер группы такой, что не могут задержать никого из нас и мы обязаны как можно быстрее отсюда исчезнуть. Сказал также, что партизаны помогут нам укрыться от немцев. Потом командир разговаривал с каждым из нас индивидуально и расспрашивал про семейную ситуацию, о причинах ареста и приговора к смерти. Спрашивал также о роде занятий, образовании и знании языков.

Мне сказал, что я получу другую одежду и меня отвезут на железнодорожную станцию в каком-то из местечек на железнодорожной трассе между Стрыем и Львовом. После приезда во Львов я должен пойти в бюро Организации Тодта на улице Легионов[84] и заявить о желании вступить в эту организацию. Через два-три дня меня включат в эшелон, едущий в Томашув Мазовецкий,[85] где размещается сборный пункт Организации Тодта. Фабрика, в которой размещён пункт, охраняется, но из неё можно сбежать.

Вокруг Томашува тянутся леса, а в них есть много польских партизанских подразделений. После бегства из Томашува мне нужно переправиться за Пилицу и там уже самостоятельно искать какое-то подразделение. После разговора с командиром я подошёл к костру, на котором партизаны готовили ужин. Некоторые из них говорили по-польски, другие — по-русски. Все были к нам очень добры и сами не ели, пока нам всем не дали.

Рано утром меня посадили в помещичью двухколёсную коляску и отвезли на небольшую железнодорожную станцию, находящуюся в 10 километрах от лагеря. Партизан-извозчик

остановился в километре от станции, попрощался со мной и поцеловал, а потом дал немного денег.

На станции было спокойно, будто ничего не случилось. Возле билетной кассы стоял жандарм, который присматривался только к бабам с тюками. Видимо, искал для себя цыплёнка или бруски масла. Я сел в вагон и нетерпеливо ожидал отъезда. Когда поезд тронулся, я уже наверняка знал, что и в этот раз мне удалось облапошить немцев. В тамбуре ехала какая-то сельская баба и объедалась творогом. Я попросил у неё кусочек, а она кроме того дала мне кусок пирога и немного молока.

На Главном вокзале во Львове было пусто. Ни одного чистильщика сапог, ни одного швейцара не было перед входом. Видимо, немцы, наконец, решили этот вопрос и навели свой порядок. Домой идти я не рискнул, потому что немцы, уведомленные о бегстве, могли тут устроить засаду. Вместо этого пошёл в дом, в котором жил задолго до войны. Экономка — украинка — узнала меня сразу. Много не расспрашивала, а накормила и подарила рубашку. Когда я попросил о возможности переночевать, экономка отвела меня в соседнюю квартиру к молодой красивой женщине. После короткого разговора я понял, что квартира эта занята проститутками. Мне постелили на полу, и я заснул. Всю ночь в квартире было тихо: видно, моя хозяйка решила сегодня отдохнуть и никого к себе не привела.

1 октября

С самого утра я пошёл в бюро Организации Тодта на улице Легионов. Теперь улица называлась Адольф Гитлер Ринг. В бюро сказал, что хочу работать в ОТ. Мне дали заполнить вопросник, в котором я указал вымышленную фамилию. Толстый немец сказал, что мне повезло, потому что как раз сегодня уходит эшелон в Томашув Мазовецкий. Мне приказали прийти к двум часам на сбор группы, с которой я и поеду. У меня оставалось ещё несколько часов, так что я пошёл посмотреть, что в городе изменилось.

На улице было полно немецких солдат и офицеров. Зато я не увидел ни одного итальянца или венгра, а на повороте Гетманских Валов и ул. Валовой встретил давнюю знакомую из DRK — Элю. Как обычно, она была модно причёсана и красиво одета. На шее носила серебряный медальончик. Эта Богоматерь с медальона уже один раз защитила Элю, когда в 1942 году кто-то из шмальцовников[86] сказал, что Эля является еврейкой, сбежавшей из Краковского гетто. Теперь Эля мне сказала, что

после расправы со мной все поставили на мне крест. Спросила меня, как так случилось, что я опять на свободе. Я попросил Элю, чтобы не рассказывала знакомым о том, что меня сегодня тут встретила.

После этой встречи я уже по городу не ходил, только сел на лавку на Гетманских Валах и ждал до двух часов. Когда я вошёл в бюро, тут, кроме меня, было ещё несколько пацанов, в основном старше меня. Мы вместе и являлись той группой, которая должна была сегодня уехать. На протяжении получаса мы ждали ещё одного, который, видимо, передумал. Немец, который должен был нас отвезти, по этому поводу заметно нервничал. На вокзал мы поехали на трамвае, а в поезде заняли зарезервированное купе.

Когда я спросил немца, почему нас так мало едет, он мне ответил, что остальные присоединятся к нам позднее.

3 октября

Томашув Мазовецкий. Тут собрались люди со всех концов Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Больше всего, ясное дело, поляков. Немцы сами считают этих людей висельниками, которые сожгли за собой на гражданке все мосты, и им осталась только служба в ОТ. Ох, как же немцы правы, что ни у кого из присутствующих здесь уже нет дороги назад к семье, дому, работе.

Несмотря на это, немцы хотели вывезти нас далеко от родных домов, в глубь Конгрессовой Польши, где ни у кого нет ни родни, ни знакомых. Тут всяко безопасней на случай, если бы кандидат в ОТ захотел вернуться к старой жизни. Фабрика является отчасти приёмным пунктом, а отчасти — тюрьмой. Со всех сторон мы окружены колючей проволокой, а караульный, одетый в зелёную форму ОТ, носит на карабине штык.

Нашему транспорту выдали по два одеяла, хлеб, сладкий кофе и масло. Шум такой, что о сне нечего и говорить. Парни заводят новые знакомства, пьют водку, откуда-то пронесённую тайком, и строят планы. Те, кто тут сидит уже несколько недель, рассказали нам, что нас ждёт в ближайшее время.

Когда соберётся соответствующее количество людей, немцы созовут комиссию, в которой, кроме военных, заседают также и врачи. Комиссия не отсеивает никого в принципе, потому что немцам уже плохо на всех фронтах. После оформления документов каждый принятый получает зелёную форму, похожую на польскую, и лопату. Карабин выдают только в прифронтовой

полосе, так как немцы побаиваются, что вооружённый на территории своей страны поляк или литовец сбежит в лес.

Комплект свежезавербованных загружают в вагон и посылают в прифронтовые линии в тех краях, где немцы ведут войну. Многие пацаны мечтают о том, чтобы их транспорт направили в Италию, Бельгию или Францию. И все, в тот же момент, боятся высылки на русский фронт, поскольку может так статься, что не окажется времени объяснить русскому партизану, что они состоят лишь в трудовых батальонах, да и то, в общем-то, только «как бы».

4 октября

Сегодня с самого утра пришёл господин директор (Herr Direktor) и спросил, кто вызовется добровольцем на работу в городе. Работа должна продлиться целый день, и за эту работу платит немецкий предприниматель. Выступило нас пятеро — все с последнего львовского транспорта. Среди нас был один украинец.

Директор нам напомнил, что если мы не вернёмся, то вся полиция и жандармерия будут нас искать, и как только беглеца поймают, он будет отослан в концентрационный лагерь. Немец в форме отвёл нас на место, а сам вернулся на фабрику.

Немецкий предприниматель говорил на прекрасном польском, поскольку являлся сыном колониста и воспитывался в Польше. Целый день мы носили коробки с яйцами. В обед получили по 8 яиц, хлеб и чай. Работу закончили вечером. Немец выплатил каждому из нас положенное и распрощался с нами. На обратной дороге нам попался дом, возле которого стоит на страже ОТовец в зелёном плаще и надписью на рукаве «Belgien». Что-то ему в нас не понравилось, потому что он начал устраивать скандал. Когда он потянулся за оружием и начал созывать своих соратников, мы быстро удалились.

Кто-то из ребят предложил, чтобы мы на заработанные деньги сходили выпить. Желающих пить водку не было, зато мы пошли напиться пива. Была вечерняя пора, и молодёжь прохаживалась по улицам, а больше всего её было возле огороженного штакетником забором костёла. Молодёжь поглядывала на нас с некоторым интересом, но и с некоторым подозрением. Наш окраинный акцент был тут вещью непривычной, хотя время сейчас такое, что люди всем интересуются.

Этот вечер предоставлял мне случай, и неизвестно было, когда ещё такой случай повторится. Я предложил пацанам уже не

возвращаться в казармы. Сказал им, что в нескольких километрах от Томашува уже есть партизаны. Однако мои знакомые всё никак не могли решиться на побег. Складывалось впечатление, что они боялись чужой земли и чужих людей. Они чувствовали себя не в своей тарелке и не знали, кому доверять. После того, как пиво было выпито, мы вышли на освещённую лампами улицу. После выхода из ресторана мы продолжили разговор на тему «остаться или удрать». В какой-то момент мы обратили внимание, что к нашему разговору прислушиваются двое молодых людей. Мои товарищи распрощались со мной и пошли в сторону казарм.

Тогда эти двое подошли ко мне, и один спросил, откуда я сюда приехал. Я объяснил ему, в чём дело, и добавил, что в казармы не вернусь. Мой собеседник спросил меня, что я собираюсь делать в чужом городе. Я ответил, что собираюсь искать партизан. Они поговорили между собой и спросили меня, отдаю ли я себе отчёт, что партизан найти нелегко. Объясняли мне, что в лесах вокруг Томашува Мазовецкого есть партизаны, но они показываются тогда, когда им необходимо, а не по чьему-то желанию. Сказали мне, что им кажется странным, что я, не зная людей из этих мест, громко говорю о партизанах. Я им ответил, что они на шпионов не похожи и что в лагерь ОТ я не вернусь, потому что не за этим же я приехал в этот край.

Мои случайные знакомые предложили мне прогуляться в сторону костёла, а один из них дал мне свой плащ, поскольку — как он сказал — моё одеяние бросается в глаза. Прошло, может, полчаса с момента нашего знакомства, когда мои знакомые взялись мне помогать. Один из них остался со мной, а второй исчез на долгое время. Когда он вернулся, то сказал своему товарищу, что не нашёл того, кого искал. Пацаны поговорили между собой и провели меня к приходскому священнику. Ксёндз был очень перепуган и сказал, что, к сожалению, не может помочь, что даже не может дать мне переночевать, потому что немцы часто приходят в плебанию.[87]

Мои новые знакомые были измучены, видно, не предполагали, что из-за меня у них будет столько забот. Ночь наступила быстро, а вместе с ней — и комендантский час. Я видел, как оба не решались, что со мной дальше делать. Наконец, один из них спросил, не кажется ли мне, что лучше будет вернуться. Я с этим не согласился и сказал, что уж лучше пойду в сторону леса. Тогда младший из парней предложил мне ночлег. Поскольку в это время опасно было ходить вдвоём — ведь немцы подозревали всех в заговоре, — то мой знакомый пошёл вперёд, а я в 100 метрах за ним.

Мы прошли базар, и мой знакомый завёл меня в подъезд

какого-то дома. Затем вошёл в освещённое помещение на первом этаже, пробыл там минуту и вышел за мной. В квартире были плотно занавешены окна, а мне приказали снять выдающую заключённого куртку. В квартире, кроме моего знакомого, были ещё две женщины — его мать и сестра. Обе были взволнованны и испуганны. Мне дали обед, и я должен был им рассказать, как я оказался в тех краях и почему сегодня сбежал из лагеря ОТ. Мы до поздней ночи разговаривали о Львове, Окраинах и о том, что там происходит.

Мы также составили план на ближайшее будущее. Я должен был переночевать в курятнике во дворе — ибо так было безопаснее для них и для меня. Под утро, часов в пять, мой знакомый должен был меня проводить за город и помочь переправиться на пароме через Пилицу. Мне также указали трассу, которой я должен был держаться, чтобы добраться до партизан.

Я улёгся в курятнике. Перед тем, как заснуть, услышал далёкие выстрелы, как будто откуда-то из-за города.

Перед пятью утра меня разбудила сестра моего опекуна и потихоньку провела в дом. Все уже были на ногах и ждали меня с завтраком. На дорогу мне дали хлеб, ветчину, кусочек масла, кухонный нож и карту. Обе женщины были взволнованны, когда со мной прощались, и дали мне образок с Божьей Матерью.

Мы прошли кусочек улицы, почти пустой в это время, а сразу после этого мой новый знакомый свернул за город. Вдоль высокого откоса мы шли к парому. Через пятнадцать минут мы были на месте. На другой стороне Пилицы стояли сельские женщины и молодой парень в форме гитлерюгенда. Когда мы переплыли на другую сторону, я снял с себя плащ и вернул моему проводнику. Тогда парень из ГЮ заинтересовался нами. Подошёл к перевозчику и, глядя в нашу сторону, о чём-то с ним разговаривал.

Через минуту быстро удалился в сторону города. Мой знакомый подошёл к перевозчику и спросил его, о чём тот разговаривал с немцем. Перевозчик взглянул на меня и посоветовал как можно шустрее идти в сторону леса, поскольку не исключено, что парень пошёл в жандармерию.

Попрощались с моим знакомым, и я ему пообещал, что если меня не убьют немцы, то после войны я приеду в Томашув. Когда паром пристал к другому берегу, я вынул банкноту, но перевозчик усмехнулся и сказал, что я заплачу ему как-нибудь в другой раз. Посоветовал мне ещё раз как можно быстрее отдалиться от парома.

Женщина, которая вместе со мной вышла с парома, спросила,

в какую сторону я собираюсь идти. Когда поняла, что я чужой в этих краях, сказала мне идти за собой. Недалеко от парома начинался густой лес. Когда мы дошли до опушки леса, женщина попрощалась и посоветовала, чтобы я пошёл в сторону Голубых Источников. Сказала, что в тех краях, скорее всего, найду то, что ищу. Не знаю, откуда эта сельская женщина могла узнать, чего я ищу, ведь я на эту тему не заговаривал.

В рощице возле Голубых Источников мне посоветовали тут не задерживаться, а сразу идти дальше, потому что немцы сюда часто приезжают на охоту. Лесник показал мне направление и пошёл дальше. Лес был большой, и можно было безопасно идти, если не выходить к краю.

5 октября

Первую ночь я проспал у крестьянина в селе Поплавы. Мне дали много горячего супа, картошку с салом и хлебного кваса домашнего приготовления. Утром я получил на дорогу хлеб и творог. Я сказал крестьянам, что ищу партизан, но не смог от них ничего узнать, кроме того, что партизаны — где-то здесь недалеко, но где — никто не знает.

Весь следующий день я шёл лесом или укрывался в зарослях. Тут есть некоторое количество немецких колонистов, и они все вооружены. Из леса выходил только тогда, когда мне хотелось пить, а ручья или реки не было. Вторую ночь переночевал в лесу.

Я наломал себе веток — часть положил под себя, а частью прикрылся. Я не привык к серьёзным марш-броскам, а кроме того, спешить некуда. Я не знал, где партизаны, и не знал, когда на них наткнусь. Одно точно: крестьяне знают обо всём больше, чем говорят. По ним это видно, хотя они и делают безразличный вид. В конце концов, все меня кормят и желают счастливой дороги.

Сегодня задержался в Немоёвичах. Карта, которую мне дали мои знакомые из Томашува, мне не очень нужна, потому что, во-первых, на ней нет маленьких сёл, а во-вторых, в поиске партизан такая карта не может помочь.

На ночь меня приняли крестьяне, которые рассказали мне чуть больше, чем остальные. Итак, недалеко отсюда, в Некланьских лесах, располагаются партизаны — «ребята из леса», как их тут называют. Мой хозяин советовал мне искать их осторожнее. Потому что в лесу есть разные люди: добрые и злые. Также посоветовал, чтобы не каждому крестьянину в селе доверял.

7 октября

Сегодня дошёл до села Млынек в Конецком повяте. Таких добрых людей, как здесь, до сих пор не встречал. Мне дали поесть, кто-то подарил мне бельё, и в итоге провели меня дальше, за село, поскольку через Млынек проходила твёрдая дорога и временами сюда приезжали немцы.

Из разговоров с людьми можно понять, что они знают о партизанах больше, чем хотят говорить. Мне дают поесть, разговаривают, но никто не берётся провести к партизанской группе. В Млынке есть маленькая фабрика скобяных изделий, на которой работает более десяти человек из Млынка и ближайших сёл. Бедуют, должно быть, местные крестьяне, потому что везде кормят меня белым борщом и толчёной картошкой. Картофелины маленькие, как орехи, а на полях повсюду лежат камни. Зато люди очень сердечные. Смотрят на меня так, как будто хотят мне что-то сказать, но не могут. Чую, что где-то здесь, недалеко, есть ребята из леса, так что или найду их, или найду смерть. Крестьяне сказали мне, чтобы был очень осторожен, потому что немцы назвали Коньске Бандитенштадтом, а Конецкий повят — Бандиттенкрайсом.[88]

Немцы никогда не заезжают в те края иначе, как в составе нескольких человек. Этих лесов и весей они боятся, как адской заразы. Недавно, а именно в ночь с 31 августа на 1 сентября, партизанская группа заняла на несколько ночных часов город Коньске. Как утверждают крестьяне, для немцев это был большой позор, а весь партизанский отряд насчитывал около шестидесяти солдат и офицеров. Партизаны тогда вывезли много добычи и, воспользовавшись случаем, исполнили в городе несколько смертных приговоров в отношении доносчиков и предателей.

Немцы с той поры набрались такого уважения к ребятам из леса, что как только вечерней порой узреют издалека 3–4 молодых мужчин, стоящих вместе, сразу стреляют. Видимо, делают это на всякий случай, чтобы избежать насмешек и издевательств со стороны вышестоящего начальства. Немцы разнесли сведения, что, якобы, в ту ночь подверглись нападению огромного отряда парашютистов, вооружённых пушками.

Я воспользовался советом старого мельника и пошёл дальше в Друтарню. Это недалеко от Млынка — километра, может, четыре. Тут, однако, спокойнее. Вокруг стоят леса и, как утверждают жители этого села, не видели тут немца в форме с 1939 года. Крестьяне из Друтарни уже обо мне знали. Кто-то, видимо, из Млынка успел тут побывать и рассказать обо мне. Одни выразительно избегают разговоров со мной на тему

партизан, другие снова твердят, что раз уж пришёл в эту сторонку, то наверняка встречу лесных ребят. Это село ещё беднее Млынка, а люди не особо разговорчивые. На ночь тут не остался, а через село Пески и через лес пошёл дальше. К вечеру дошёл до села Козья Воля. Когда сказал крестьянину, что ищу партизан, тот рассмотрел меня хорошенько, а потом провёл к учителю. Это был молодой человек. Я обратил внимание, что у него на пальце была печатка с польским орлом.

Мне дали холодного молока и хлеба, попросили рассказать, как я сюда попал. Учитель сказал, что не может пустить меня переночевать, так как чувствует себя неуверенно после последней облавы, устроенной немцами в этом селе. Отправил меня к селянину, у которого я пересидел несколько часов. Уже поздно ночью селянин сказал мне, что он сам и его соседи не спят в домах из-за боязни облавы. Советовал мне переночевать в поле, потому что тогда я быстрее услышу немцев, если они пойдут со стороны шоссе.

Хозяин рассказал мне, что недавно в селе была такая битва, что от пуль и гранат птицы погибали прямо на лету. Убили тогда нескольких немцев, и из партизан также кто-то погиб. Шоссе отсюда недалеко, так что немцы могут быстро подъехать и оцепить деревеньку.

Хозяин дал мне кусок ткани, сноп соломы и показал, в какую сторону идти и где в поле безопаснее всего. Я нашёл себе место в углублении, расстелил часть соломы, а второй частью соломы прикрылся. Ноги поджал под себя, как только мог, а тканью прикрыл голову. Пару раз просыпался от холода, а один раз вспугнул зайца. Разбудили меня крестьяне и пригласили в избу на завтрак. Узнал от них, что партизаны недалеко, в Некланьском лесу. Надо только перебраться за Неклань и войти в пущу. Там, собственно, и сидят ребята, о которых немцы знают, но с которыми ничего не могут поделать.

Считая от Томашува Мазовецкого, прошёл через сёла и посёлки: Поплавы, Смардзевичи, Уневель, Парадиж, Процьвин, Смарков, Друтарня, Хельб, Млынек, Пески, Козья Воля, Неклань.

10 октября

Вышел из села очень рано и направился в сторону Неклани. Надо было пройти через Неклань и дальше идти по лесу в сторону Большого Села. Селяне сказали мне, чтобы был очень осторожен, потому что в некланьском дворце располагается команда украинских веркшуцев,[89] которые без оружия даже в

туалет не ходят. Кто-то из селян вполголоса сказал даже, что в самой Неклани, под носом у веркшуцев, действует сильная подпольная организация.

Недалеко от Неклани я вышел из леса на шоссе. Мимо меня проехало несколько немецких машин, но никто меня не трогал. Заметил только, что на определённом расстоянии от меня очень медленно ехали на велосипедах двое гражданских. Я не обращал на них внимания и потому не заметил, когда они подъехали ко мне сзади и пристроились с двух сторон. Я обратил внимание, что задний карман одного из них оттопыривается в форме пистолета. В тот же момент понял, что мои поиски приближаются к какому-то концу. Было ясно, что не столько я нашёл, сколько меня нашли. Не было только уверенности, что это за парочка.

Один из них обратился ко мне на «ты» и спросил, являюсь ли я чужим в этих краях. Я сказал, что я из Восточных Окраин и не знаю этих мест. Тогда второй велосипедист сказал, что в случае, если я что-то ищу, то они, возможно, могли бы мне помочь. Когда я выразил сомнения в том, что они смогут мне помочь, один из них сказал: «Говори смело, мы свои».

В тот же момент мы услышали клаксон сзади. В сторону Неклани ехал жандармский фургон. Один из велосипедистов сказал, чтобы я не оглядывался, а шёл спокойно вперёд, как если бы улаживали торговую сделку. Когда фургон проехал мимо, то я обратил внимание, что сидящие на лавках немцы держали на коленях оружие, готовое к стрельбе.

Велосипедист спросил меня, сильно ли я испугался жандармов, и, не дав мне ответить, спросил меня, могут они мне помочь или нет. Мне казалось, что терять мне особо нечего, даже если бы это были немецкие агенты. Я сказал, что сбежал из тюрьмы и из лагеря «ОТ» и что ищу партизан.

Оба велосипедиста обрушили на меня перекрёстный огонь вопросов. Спрашивали меня, не боюсь ли откровенно разговаривать с селянами и спрашивать про партизан. Спрашивали, на каких языках разговариваю и что у меня в карманах. В конце спросили меня, есть ли у меня семья и как намереваюсь убедить партизан в том, что действительно хочу бить немцев, что меня не подослали.

Мы вошли между первых домов Неклани, и я обратил внимание, что люди кланяются обоим едущим рядом со мной велосипедистам. Потом мы уселись во рву недалеко от кладбища, и они велели мне ещё раз рассказать им всё с самого начала. Потом отвели в корчму и сказали официанту, чтобы дал мне поесть. Съел я очень много, что даже официант удивлялся, как можно столько съесть за один раз. Мои знакомые велели мне

подождать, а сами куда-то вышли.

Я успел понять, что буфетчик следит за каждым моим движением. Несмотря на заполненность заведения, никто ко мне не подсел. Прошло много времени, и я начал беспокоиться: не был уверен, что велосипедисты вернутся за мной. Если бы я остался один, то снова пришлось бы бродить и искать ребят из леса.

Через несколько часов ожидания я спросил шинкаря, не знает ли он, когда вернутся господа, которые пришли вместе со мной. Шинкарь сказал, что он этих людей не знает, но раз уж они сказали, что придут, то, наверное, не бросят.

Велосипедисты пришли за мной, когда последний посетитель выходил из заведения. Сказали мне, что пока им не удалось ничего для меня сделать, но, быть может, ещё удастся. Отвели меня на ночлег к селянину, кажется, к солтису[90] этого села. Хозяева были ко мне очень гостеприимны, а их дочка подарила мне пару шерстяных носков. Весь следующий день я просидел на лавке перед домом. Мне дали щедрый обед, но никто не вступал со мной в разговоры.

На следующую ночь, когда я уже лежал на чердаке на сене, за мной пришли велосипедисты. Я попрощался со своими хозяевами, но по выражениям их лиц не мог понять, знают ли они, куда мы идём. Велосипедисты были сегодня одеты уже иначе, чем раньше. На них были непромокаемые немецкие плащи. Когда мы вышли за Неклань, один из них спросил меня, не потерял ли я охоты идти в партизаны. Потом попросили ещё раз рассказать о моём заключении, освобождении и бегстве из лагеря ОТ. Мы очень долго шли болотистой дорогой, пока не дошли до руин какого-то кирпичного завода или литейной печи.

Вошли между разрушенных стен, и тогда велосипедисты распахнули плащи. Под ними на узких кожаных ремешках стволом вниз висели пистолеты-пулемёты типа «Шмайссер». После нескольких ничего не значащих фраз старший по возрасту спросил, буду ли служить верно и буду ли бить немцев. Мне приказали принести присягу на верность Богу и Польше. Я повторял за ними слова присяги одеревеневшими губами и плакал. Через несколько минут мы вышли из руин. Через полчаса марша остановились, и один из них свистнул. Из рощи вышел человек, а когда он подошёл к нам ближе, то я увидел на его плече винтовку, а на фуражке — металлического польского орла. Таких орлов я видел последний раз в сентябре 1939 года,[91] во время войны.

Велосипедисты сказали мне, что этого товарища в форме зовут Чёрный и что он проведёт меня туда, куда надо. Сердечно

попрощались с велосипедистами, и Чёрный пошёл вперёд, а я за ним. Чёрный ни о чём меня не спрашивал, и, видимо, он либо всё знал, либо его это не интересовало. Вскоре мы дошли до края леса. Тут Чёрный взял в руки винтовку и снял её с предохранителя. Прошли где-то 100 метров, и тогда нас остановил окрик: — «Стой, кто идёт?!» Чёрный ответил, и караульный пропустил нас.

Между деревьями, освещёнными отблесками костров, мелькали люди, одетые частично по-военному, а частично — по-гражданski. На всех были ремни, а на них — магазины, штыки, гранаты. На нижних ветках висело оружие различного рода. На земле также стояло оружие, прислонённое к деревьям. Возле костров, на срезанных еловых ветках либо на шёлковых парашютах, лежали люди. Все они спали ногами к огню. Несколько голых до пояса, сидя возле огня, искали вшей в рубашках и кальсонах. Видно, здесь, как и в тюрьме, практиковался поиск вшей по команде.

В стороне стояли конные повозки, прикрытые тканью, и тачанка с тяжёлым пулемётом. Среди партизан я заметил двух девушек, также одетых в мундиры и с кожаными ремнями. У всех этих людей были орлы из жести, из оловянного сплава, а у многих из них на шее были платки из парашютного шёлка. Меня провели в палатку, в которой находился командир группы. Тот, который меня привёл, велел мне встать по стойке смирно, а сам доложил, что привёл того, который шатался по окрестностям и спрашивал о партизанах. Офицер спросил меня, откуда я пришёл в эти края, о дате и месте рождения и о причине, по которой я хочу пойти в партизаны. Я ему рассказал о тюрьме и о том, что хочу бить немцев.

Ещё в эту ночь мне выдали длинную старую французскую винтовку, а к ней — штык и один магазин с патронами. Мой новый командир и инструктор сказал мне, что если мне это оружие не нравится, то у меня есть два выхода. Во-первых, я могу высказать претензии англичанам за то, что делают так мало хорошего оружия, а во-вторых, могу сам себе добыть автомат у немцев. Я чувствовал себя немного глупо и смешно, потому что винтовка эта была больше меня на несколько сантиметров, а когда надевал штык, то выглядела, как кавалерийская пика.

Перед принятием присяги в Пуще Некланьской я понял, что меня могут не одобрить, не привести к присяге, учитывая мой рост и возраст, — тогда я был малолеткой. Поэтому применил хитрость. У одного из подпольщиков, сопровождавших меня, я спросил разрешения сходить в кусты и справить естественные надобности. В гуще сосен и кустов снял ботинки и вложил в них

куски коры. Сразу подрос, как минимум, на 2–3 сантиметра и прибавил себе два года.

Не знаю, и тогда не знал, — или они поверили мне, или из жалости, а может, и капельки симпатии, привели меня к присяге. За эту присягу, принятую в Пуще Некланьской в ночь с 10 на 11 октября 1943 года, мне пришлось многократно платить после поражения гитлеровского Третьего Рейха, его Вермахта, СС и Гестапо.

11 октября 1943 года

Сегодня с самого утра ко мне пришёл шеф отряда и вписал меня на какой-то листок бумаги. Сказал мне, что я являюсь стрелком партизанского отряда Армии Крайовой Земли Конецкой. Отрядом командует поручик Робот, а отряд входит в состав Партизанских Соединений Дивупра[92] Армии Крайовой под командованием поручика «Понурого». Начальник велел мне выбрать себе псевдоним и сказал, что вписывает меня в список под вчерашней датой, поскольку я пришёл до полуночи.

Я выбрал себе псевдоним Казик Львовянин.

ПОСЛЕ И ОКТЯБРЯ 1943

В группировке № 2 «Робот», входящей в состав Группировок Дивупра АК Келецко-Радомского Округа «Пихта», под командованием поручика Яна Пивныка («Понурого»), я остался до конца осени 1943- Мой командир Вальдемар Мариуш Швец («Робот»), «тихотёмный», 14 октября погиб смертью храбрых вместе с ещё несколькими солдатами. Смерть настигла его в облаве, которую немцы организовали в результате доноса агента Гестапо Ежи Войновского («Мотора»), действовавшего внутри наших соединений. 28 октября 1943 года я участвовал на Свентокшиском Выкусе[93] в боях с немецкой облавой, в которой немцы использовали многотысячную группировку Вермахта, СС, жандармерии и вспомогательных соединений, сформированных среди азиатов — советских военнопленных, а кроме того, авиацию. В бой нас вёл «Понурый». При относительно низких потерях, если учесть расклад сил, мы вырвались из кольца облавы. Я тогда получил своё первое ранение. В ноябре «Понурый» распустил группировку, солдат разместили в зимних укрытиях. Не желая сидеть без дела в зимний период, я вступил на это время в Особый Отряд Крестьянских Батальонов[94] под командованием Юзефа Мадея («Ежи») с базой в Русском Броде в Конецком повяте. Во второй раз я был ранен 7 ноября в засаде, организованной в селе Рогов в Конецком предместье.

После Рождества 1944 я вернулся в своё родное подразделение на первые весенние сборы. За день до операции «Буря» нашу группировку переименовали в 1-й батальон 2-го полка легионерской пехоты АК. До октября участвовал в боях батальона и всей дивизии легионерской пехоты АК. Батальоном командовал Евгениуш Кашиньский «Нурт» («Nurt»), «невидимка», потому как в феврале того же года «Понурого» откомандировали в партизанские группировки АК в Новогрудские земли. Я был солдатом Келецко-Радомского Округа АК до дня роспуска этой формации 19 января 1945 года. Настала эпоха советских советников, советского НКВД. Перед Рождеством того же года служба безопасности в Коньском осуществила массовые аресты в среде бывших солдат АК, а также Крестьянских Батальонов. Я был арестован вместе с остальными сослуживцами «Понурого» и Антони Геды («Серого»), подвергнут избиениям и пыткам. После сильного возмущения и протестов жителей города из-за противозаконной деятельности НКВД и службы безопасности (были высланы делегации к вышестоящим властям в Люблине и Лодзи) нас отпустили. Некоторые из нас вступили в Войско

Польское.

В апреле 1945 года, когда ещё продолжалась война и не было уверенности, некоторые из нас — солдаты из келецких подразделений АК и Крестьянских Батальонов — вызвались в лодзьской Районной Комендатуре Пополнения Войска Польского с просьбой направить нас на передовую фронта в Германии.

Рассказали о своей службе в АК и Крестьянских Батальонах, военной подготовке в объёме партизанских боёв, диверсий и саботажа. Двоих направили в часть на границу с Чехословакией, меня направили в охранный взвод начальника лодзьского РКП (RKU).

На протяжении нескольких дней я допытывался у моего непосредственного командира — взводного подхорунжего С. Домагальского, когда меня отправят на фронт. Каждый раз Домагальский отвечал, что война ещё идет и скоро меня пошлют на фронт.

Третий Рейх рушился, со дня на день уменьшались мои шансы пойти на фронт и хотя бы частично рассчитаться с гитлеровцами за убитую семью.

Настало 9 мая 1945 года. Через окна помещения на улице Зелёной, в котором тогда находился, услышал одиночные выстрелы и очереди из ППШ. Схватил оружие и выбежал на улицу. Передо мной предстало прекрасное и мощное зрелище. Солдаты в различных званиях, в основном в польской форме, а также несколько советских солдат, стреляли в воздух из пистолетов и автоматов и выкрикивали во весь голос: «Конец войны! Гитлер капут! Конец войны!»

Я был взволнован, но вместе с тем огорчён — понимал, что лишился возможности сражения в Германии на передовой, хотя бы частично отплатить по счёту за моих маму, отца, младших братьев Юлиана и Юзефа, за весь народ.

В ту ночь Лодзь не спала. Оказалось, что количество выпитых водки и бимбера[95] в Лодзи превысило наши самые смелые представления.

Радость и спокойствие в Лодзи продолжались недолго. После капитуляции Германии советское НКВД вместе с военной контрразведкой начали широкомасштабную операцию по выявлению и арестам солдат Армии Крайовой, национальных вооружённых сил и нередко — бойцов Крестьянских Батальонов. Своим спасением я обязан сержанту Народного Войска Польского, который служил вместе со мной в охранном взводе начальника Районной Комендатуры Пополнения Лодзи.

Я отдыхал после дежурства, когда этот сержант Вильнюк, имени которого не запомнил, ворвался в казарму запыхавшийся и

выкрикнул:

— Убегай, за тобой идут! Надень плащ...

Вильнюк показал мне, каким путём должен убегать. Успел только сунуть в карман служебный наган, а в полевую сумку — несколько гранат. Молниеносно оказался во дворе дома, прислонился к водосточной трубе. Через несколько минут после этого я увидел, как группа людей в военной форме с автоматами ППШ (было их четверо или пятеро) поднимались на лестничную клетку. Переждал, пока войдут, выбежал на улицу, а оттуда направился в направлении улицы Пётрковской.

Добрался до улицы Полуднёвой, дом 24, где проживал с родителями Вацлав Годовский, псевдоним «Дзидек», — мой соратник в группировке «Понурого».

Рассказал им о своём побеге и попросил помощи. Несколько дней находился в квартире «Дзидека». Там меня кормили, хотя сами имели немного. Через несколько дней рискнул пробираться на Запад. В то время с транспортом было плохо, направлялся на Запад не напрямик, а через Тарновские Горы, Катовице, Кендзежин-Козле. Убегал в форме Войска Польского. Пользовался автостопом — водители армейских автомашин брали меня без расспросов, потому что это было время перемещений во всех направлениях. Во Вроцлаве переночевал в полевом госпитале, а в Легнице спал с польскими солдатами в машине армейского транспорта.

На своём пути всем говорил, что ищу своё подразделение или что еду в полевой госпиталь на операцию. В случае необходимости мог показать голень левой ноги, место ранения, которое получил 28 октября 1943 года во время немецкой облавы на моё соединение Дивупра АК на Выкусе Свентокшиском. В историю соединения Дивупра АК Округа «Пихта» эта облава вошла как «Третья Облава».

Мою рану прооперировали и зашили в партизанском полевом госпитале. Шов был наложен примитивно, поэтому был виден грубый рубец.

Из Легницы добрался до Валбжиха, в котором было очень много людей в советской военной форме. Русские накормили меня в своей полевой кухне. Я легко установил контакт, так как владел украинским и русским языками. С осени 1939 до июня 1941 года посещал советскую школу во Львове, а украинский язык знал с детства.

Через город Еленя-Гура, в котором на обочинах улиц ещё лежали незахороненные тела погибших германских солдат, красноармейцев и гражданских жителей, добрался в Згожелец, где на домах, столбах ещё висело немецкое название Гёрлиц.

В мае 1945 года я был вынужден бежать из страны, поскольку слишком уж широкий размах приобрели розыски и аресты АКовцев в Войске Польском. Через советскую оккупационную зону Германии я перебрался на запад, в британскую зону.

Добравшись до границы оккупационных зон, я скинул с себя ботинки, которые не позволили бы мне плыть. Затем прыгнул в воду в форме и прежде, чем советская сторона в своей зоне смогла что-то сделать, я уже был на стороне разделённой тогда Германии, окружённой солдатами армии США.

Несколько часов длились переговоры, которые вели представители советской и американской армий о моей выдаче. Советская сторона добивалась моей немедленной выдачи представителям советских военных властей, но американцы отказали. О том, что происходит по данному вопросу, меня информировал американский солдат, немного знавший польский язык, — один из тех, кто вытащил меня на американском берегу. Предполагаю, что тот солдат был из польской семьи.

Через несколько часов переговоров и споров командующий на участке американский офицер при посредничестве переводчика, о котором упомянуто выше, порекомендовал мне как можно быстрее убегать на запад, в сторону британской оккупационной зоны.

Солдат-переводчик выдал мне несколько банок консервов, пачку сигарет и пакет с сухарями, после чего вывел меня к близлежащему шоссе. Там остановил армейский автомобиль, похоже, что это был студебеккер, поговорил с темнокожим водителем и сказал мне:

— Он едет в сторону англичан. Езжай с ним.

Через пару часов после этого уже находился в британской зоне оккупации.

На протяжении двух лет я пребывал в Германии и Великобритании, где познал обе стороны медали эмиграционной жизни. В марте 1947 года в Польше объявили амнистию для людей, остающихся в подполье, причём эта амнистия касалась и тех, кто после мая 1945 года бежал из страны и хотел бы вернуться. В консульстве ПНР в шотландском городе Глазго я заявил о желании вернуться. Тогдашний консул Станислав Телига заверил меня, что власти в стране держат обещания насчёт таких, как я, никто мне ничего плохого не сделает и я смогу бесплатно учиться. Добровольно возвращающимся была обещана неприкосновенность, а в качестве поощрения за возвращение — принятие без вступительного экзамена на выбранное направление обучения в вузе.

Я понимал, что, несмотря на декларацию властей, правящих в

Польше, со мной и подобным мне, которые воспользуются амнистией и вернутся в страну, могли поступить по-всякому. Однако надеялся, что власти Польши не рискнут преследовать нас, возвращающихся добровольно.

Наконец, я хотел вернуться в Польшу ещё по одной причине. Не умел жить без Польши, какой бы она ни была. Считал тогда, в 1947 году, что не буду там сам по себе, буду один среди миллионов. Меня встретит то же самое, что встретит миллионы других похожих на меня людей из числа моего народа.

По моим соображениям получалось, что из моей семьи в живых уже никого нет: все были убиты немцами и украинскими националистами. Единственное, не было уверенности в судьбе моего среднего брата Юлиана, — он мог каким-то чудом выжить.

21 июня 1947 года я вернулся в Польшу на судне «Восточная принцесса» и, согласно указанию консула, явился в столичное управление безопасности на улице Кирилла и Мефодия. После 1949 года меня ещё дважды арестовывали, я сидел в нескольких местах в Варшаве. Закончил два высших учебных заведения, учился в Институте Востоковедения, получил докторскую степень на историческом факультете и в Академии Политических Наук, где закончил факультет журналистики и консульско-дипломатический факультет. Работал журналистом и, одновременно с этим, в Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше.

В период Польской Народной Республики меня 11 раз выкидывали с работы: за Дивупр АК у Яна Пивныка-«Понурого» и за неправильное социальное происхождение. В последний раз был выгнан с работы с запретом на трудоустройство в области журналистики в декабре 1981 г., через неделю после введения военного положения, после моего выступления по телевидению (20 декабря), которое было признано МВД и ЦК ПОРП слабо скрываемым протестом против военного положения.

С середины 1985 до августа 1990 я работал — уже во второй раз — в Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше. Выполнял обязанности главного специалиста и начальника факультета. Членства в этой комиссии меня лишил её тогдашний директор.

В настоящее работаю в двух варшавских вузах, в Collegium Varsoviense и в Высшей Школе Международных Отношений и Американистики, являюсь академическим преподавателем, членом трёх кресовых организаций.

После возвращения в Польшу в 1947 году ни я так и не нашёл следы кого-либо из членов моей семьи, ни кто-то из них не нашёл меня. Мученически погибли они от рук гитлеровских убийц и от

рук коллаборационистов — украинской вспомогательной полиции.

Останки семьи лежат в массовых могилах на польских землях, как и останки нескольких миллионов людей польского, еврейского народов и людей других национальностей, которых гитлеровцы затащили из различных стран оккупированной Европы на большое европейское кладбище Второй мировой войны — в Польше.

Судьбы некоторых людей, упомянутых в книге

Мне неизвестно, как сложилась позднее судьба всех, о ком шла речь в книге, но судьбы некоторых из этих людей мне известны. Очень по-разному сложились истории людей, с которым я сталкивался тогда, во Львове и Стрые. Многие из них не дотянули до конца войны, погибли в самом Львове от рук немецкой либо украинской вспомогательной полиции, были вывезены для принудительных работ в Третий Рейх и там либо умерли, либо были застрелены охраной при попытке к бегству. Да, собственно, после освобождения союзническими армиями Запада уже не все и вернулись в Польшу — да и куда им было возвращаться? Львов и Восточные Кресы Польши оказались заняты и признаны советскими в силу решения крупных держав. Часть ребят из моего окружения, особенно те, кто постарше, за причастность к Армии Крайовой и прочим, ставящим своей целью независимость, подпольным организациям оказались арестованы НКВД, осуждены и либо казнены на основании уголовных приговоров судов, либо сосланы в лагеря на Дальний Север или Дальний Восток, откуда мало кто из них вернулся. Кто-то оказался вышвырнут из Львова, лишён домов, рабочих мест, жизненных достижений целых поколений и перевезён на западные польские земли.

В львовской тюрьме Зигмунд Франковский, сын львовского садовника, трудоустроенный в рабочей камере, помогал заключённым, а когда нас везли во время очистки тюрьмы в центр принудительного труда СС в Угерско возле Стрыя, подкармливал меня из посылок, доставляемых ему из дому. После вступления советской армии был, как и многие другие, призван в Войско Польское, воевал на всём пути 1-й Армии ВП. После капитуляции Германии вернулся в страну, осел в предместье Варшавы в селе Ближнее Ясинское, где женился, работал токарем, участвовал в деятельности многих местных общественных комитетов. Я случайно его встретил в пригородной электричке ЖДЭТ,[96] и с тех пор с небольшими перерывами, до самой его смерти, мы поддерживали дружеские контакты. В 1999 году на кладбище в Старых Бабичах я произнёс над его могилой прощальную речь — рассказал семье, приятелям и знакомым Зигмунда о том, кем он был, чего достиг в своей жизни, потому что оказалось, что все, кто стоял над могилой, ни о чём не знали. Зигмунд даже жене и детям не рассказывал о себе.

Комендант камеры Казик Борецкий, тот, который защищал слабых, был расстрелян немцами на львовских песках в конце 1943 года. Кшисек Павловский, с которым мы работали в расположении наёмного украинского подразделения на улице Чвартакув в первых днях 1941, не пережил войны. Его замучили украинские националисты в комиссариате украинской полиции на улице Грудецкой, за день до того, как вспыхнули бои за Львов в июле 1944. Янек Калитыньский и Антось Яцковский, с которыми мы работали на аэродроме Скнилов, протянули до времени занятия города Красной Армией, вступили в Войско Польское и пошли на фронт. Калитыньский погиб под Берлином, Яцковский был ранен на реке Одер, выжил, после войны поселился в Катовицах, закончил учёбу, получил диплом инженера. Дважды арестовывался Службой Безопасности, которая интересовалась его причастностью к львовской АК. В 1964 году он ещё был жив, после чего я потерял с ним связь.

Ян Белявский, член евангелистско-аугсбургского собрания (к которому принадлежал и мой отец), который после ареста моего отца Гестапо помогал нам, не пережил войны. Он был застрелен немецким полицейским в то время, когда вместе со своим единоверцем передавал евреям в львовском гетто еду и лекарства.

Зато выжила вся семья Кшивоней. Вместе с тысячами других людей, они оказались изгнаны из Львова и поселились в Легнице в Силезии.

Происходящий из горной Силезии пан Роман — польский офицер, работавший кочегаром во львовском DRK, тот, который устроил меня на работу в качестве своего помощника, — пропал без вести.

Николая, украинца из моей камеры, который ненавидел своих соплеменников, выслуживающихся перед немцами и с которым у нас были хорошие отношения, застрелили немцы в последние дни оккупации Львова в то время, когда Николай пытался вытянуть из товарного вагона немного еды.

Чесек Пшибыл, который помогал мне во львовской тюрьме, пережил войну и выехал на Обретённые Земли,[97] вступил в Войско Польское, воевал в Бещадах с УПА, был ранен, а после излечения вступил в милицию. Мы поддерживали с ним контакт до 1969 года, после чего он перестал писать.

Сокамерника-украинца Николая Сыцая, очень доброго человека, немцы расстреляли в коридоре Бригидок на улице Казимировской.

Зайчик, с которым мы снимали общую комнату на улице Бочковского, разыскал меня в конце 1990-х годов по прочтении

моей книжки «На небо сразу не попасть». У него был исключительно цветастый жизненный путь, а сейчас живёт с семьёй на западе Польши. Он приехал ко мне, мы вспоминали те времена. Из тех, кого немецкий особый суд приговорил 20 апреля 1943 года, только я выжил. Николай Кривой и украинец Михаил сгинули в концентрационном лагере в Майданеке Люблинском.

Единственный еврей в нашей группе вагонных налётчиков, Роман, фамилии которого я так и не узнал, скрывался с фальшивыми документами, которые изготовил ему евангелистский пастор из Львова, смог пережить оккупацию и истребление. На своё счастье, он не был похож на еврея, никогда не арестовывался и не попадал под немецкое следствие или, что было бы ещё хуже, под украинское. Во время боёв за Львов в июле 1944-го он помогал сражающимся солдатам АК, в эшелоне изгнанников приехал в середине 1945 года в Нижнюю Силезию и с одной из первых групп уцелевших евреев через Чехию и Австрию попал на Запад. В 1947 году он был уже в Палестине, участвовал в войне за независимость еврейского государства. На протяжении некоторого времени после образования государства Израиль писал своим знакомым львовянам в Силезии, после чего этот контакт прервался.

Йоганна, унтер-офицера СД, садиста, того, который сидел с нами во львовской тюрьме в камере для немцев, после войны разыскивала польская власть и прокуратура. Мне неизвестно, чем закончились эти розыски.

Функционера львовской КриПо Адамского, того, который нас истязал во время следствия в апреле 1942 года на площади Галицкой, 15, разыскивала после войны Комиссия по расследованию немецких преступлений в Польше. Мне неизвестно, чем закончились эти розыски.

О судьбе других мне ничего не известно. Может быть, некоторые из них пережили этот ад, может быть, умерли уже в послевоенное время, а некоторые, возможно, живы до сих пор. Не исключено, что где-то поблизости от моего города, моего дома, но как их найти? В те времена мы чаще всего не знали фамилий друг друга, пользовались прозвищами или только именами, потому что так было безопаснее.

notes

Примечания

1

Кинотеатр сохранился до сих пор под тем же именем.

2

Во время нападения на СССР немцы широко использовали метод так называемой «5-й колонны». Опорой для диверсионной деятельности на территории Западной Украины, или, говоря иначе, Восточных Кресов Польши, была Организация украинских националистов (ОУН). В 1940 году ОУП распалась на две фракции: мельниковцев и бандеровцев. Обе фракции ОУН сотрудничали со спецслужбами гитлеровской Германии.

3

Сейчас (2012) — улица Гавришкевича.

4

Сейчас (2012) — пл. Данила Галицкого. Не путать с пл. Галицкой, которая находится с другой стороны старого города.

5

Сейчас (2012) — пл. Осмомысла.

6

Сейчас (2012) — ул. Шевченко. Не путать с проспектом Шевченко, который находится в центральной части города и к ул. Шевченко не примыкает.

7

Немецкие войска заняли Львов 30 июня 1941 г. Первые подразделения проникли в город в ночь с 29 на 30 июня в 3:15. Это были отряды особой группы, входящей в состав Абвера, под командованием обер-лейтенанта Ганса-Альбрехта Герцнера и доктора Теодора Оберлендера, отвечавшего за связь между немецким руководством и украинским личным составом. 1-й батальон специального диверсионного полка «Бранденбург» под командованием майора Хайнца — батальон «Нахтигаль» — а также группа офицеров Абвера и соединение «Гехайме Фельдполицай» — Тайной полевой полиции Вермахта, окрещённой в разговорах «полевым гестапо». Это были формирования, ответственные за военные преступления в прифронтовой полосе. Занимались убийствами советских военнопленных, евреев и попадавших под подозрение поляков. Эта группа поспешила войти во Львов, получив информацию, что в городе происходят диверсионные выступления украинских националистов и осуществлена попытка восстания, которая была подавлена советскими подразделениями. Немецкие линейные соединения маршала фон Рундштедта (Heeresgruppe Sud2), а именно — дивизия горных стрелков (Enzdivision) вошла во Львов только на семь часов позже. Одновременно с группой Герцнера-Оберледнера во Львов прибыла политическая верхушка ОУН, которая приступила к организации независимого (на словах), но фактически сателлитного Третьему Рейху и полностью от него зависимого украинского государства.

8

Сейчас (2012) — ул. Богдана Хмельницкого. Въезд в город с севера. Не путать с нынешней улицей Жолковской (советское название — Декабристов), которая является боковой от Хмельницкого и примыкает к ней напротив вокзала «Подзамче».

9

Въезд в город с запада.

10

Местность возле пересечения ул. Стрийской (Стрийской дороги на тот момент) с железной дорогой. Въезд в город с юга.

11

Сейчас (2012) — ул. Апрельская (укр. Квітнева, призносится «Квитнэва»), Короткая улочка, находится слева от построенного в советское время спорткомплекса «Спартак», боковая от бывш. ул. Черняховского (Шимоновичей при Польше), параллельная бывш. ул. Пушкина (Потоцкого при Польше); в настоящее время обе переименованы в честь террористов из ОУН. Ул. Чвартакув примыкала к рабочему концлагерю на ул. Потоцкого, ликвидированному в первую очередь из-за неподчинения содержавшихся в нём евреев.

12

Речь идёт об уничтожении реформистской синагоги Темпль.

13

Местность, где сейчас находятся общежития Львовского политеха, от Вулецких холмов и далее на юг, до железной дороги. Северный склон Вулецких холмов — место, где ранним утром 4 июля расстреляли польских профессоров.

14

Песчаный карьер на взгорьях напротив дрожжевого завода на ул. Лычаковской. Печально известен как место массовых казней в военное время. Также упоминается в различных источниках как Кривчицкий, Лисиничский, Лычаковский лес, а также как Лычаковские пески и Лычаковские горки. «Завезти на пески» — вывоз людей гитлеровцами на казнь в пригородные леса, либо песчаные карьеры.

15

Тюрьмы № 1, № 2 и № 4 в советский период соответственно. Нынешние (2012) названия этих улиц: Брюллова, Замарстыновская, Городоцкая.

16

Улица Дзержинского в советское время, сейчас (2012) — Витовского. В упомянутом здании перед войной располагался НКВД, во время войны — Гестапо, после войны — снова НКВД, затем КГБ. С момента распада СССР в этом здании находится СБУ.

17

Имеется в виду ликвидационная группа бригадефюрера СС Карла Шёнгарта. При самом действенном участии украинских националистов занималась арестами и ликвидацией польской научной элиты с целью обезглавить польское культурное общество.

18

Этот список, печально известный как «проскрипционный», также был получен немцами в Кракове от студентов — членов ОУН, учившихся во Львове, но в 1939 году после занятия Львова войсками СССР бежавших в немецкую оккупационную зону.

19

В частности, в ночь с 3 на 4 июля 1941 года были расстреляны львовские профессора. Группа Шёнгарта на этом не остановилась.

20

Взгорье, обрамлённое улицами Шевченко, Винница, Клепаровской. Песчаный карьер на этом взгорье, как и Лычаковский, известен как место массовых казней. Также на Кортумовых горках находился Яновский концлагерь СС принудительного труда евреев. Сейчас на месте концлагеря находится ПТУ № 30, на холмах в советское время был разбит дачный массив, сейчас, впрочем, заброшенный, а в песчаный карьер была проведена трамвайная ветка, и песок из него используется техническими трамваями для посыпания улиц в зимнее время.

21

Пташники (Ptasznicy) — так во Львове в июле 1941 называли солдат батальона украинских наёмников «Нахтигаль», подчинявшегося военной разведке Вермахта — Абверу. Принимали участие в преступных массовых убийствах во Львове и на Восточных Кресах Польши.

22

Бригидки (Brygidki) — львовская тюрьма на улице Казимировской (тюрьма №4). В июне 1941 НКВД устроило здесь массовое убийство нескольких тысяч заключённых поляков и украинцев за день до занятия Львова немецкими войсками.

23

В данный момент эта улица существует только как тупик с въездом со стороны ул. Шпитальной и носит её номера.

24

Видимо, под Клепаровским лесом автор имеет в виду лесной массив, который начинается за улицей Винница и железнодорожной насыпью. Инженер, вероятно, вбежал именно в него, так как сами Кортумовы горки в то время, судя по старым фотографиям, не были ещё покрыты лесной растительностью.

25

«Как обычно» — это значит стаскивают в парк Косцюшко и насилуют.

26

Восточные Кресы (Окраины: польск. Kresy Wschodnie, от польского слова «kres» — конец, окраина) — польское название территорий нынешних Западной Украины, Беларуси и Литвы, которые ранее входили в состав Польской Республики.

27

Сейчас (2012) — пл. Данилы Галицкого.

28

Шуповцы (от нем. «ШуПо» — SchuPo — «Schutzpolizei») — букв, «охранная полиция». Отряды для поддержания внутреннего порядка и конвойных функций, набираемые из местного населения оккупированных территорий.

29

Сейчас (2012) — ул. Шевченко.

Видимо, тут речь идёт всё о том же месте массовых расстрелов в песчаном карьере за железнодорожной насыпью напротив дрожжевого завода, которое фигурирует в разных источниках также как Винниковский или Лисиничский лес.

31

Сейчас (2012) — ул. Театральная.

32

«Ещё Польша не погибла...» — первая фраза польского национального гимна.

33

«Ходить на вагоны» — запрыгивать на немецкие товарные вагоны и воровать продовольствие, военное обмундирование, топливо.

34

Bahnschutz — специальная служба охраны железных дорог. Баншуцполицай (Bahnschutzpolizei) — немецкая железнодорожная полиция; на Восточных Кресах Польши в её состав входили в основном украинцы, фольксдойче, а также некоторая небольшая группа поляков, которых вербовали в основном среди уголовного элемента.

35

Подсолнечное масло.

36

250-я дивизия (Голубая Дивизия) — испанский легион, созданный для боёв против СССР на Восточном фронте.

37

Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. На территории всей оккупированной Европы немецкие власти проводили вербовку желающих работать в рамках Организации Тодта, а когда это не принесло ожидаемых результатов, то её ряды пополнили принудительно завербованные работники. Заданием Организации Тодта было выполнение работ стратегически-военного характера, таких как строительство дорог, мостов, укреплений. Шефом Организации Тодта после смерти Фритца Тодта в феврале 1942 был военный преступник Альберт Шпеер.

38

«Пожалуйста, не деньги, пожалуйста, хлеб» — нем.

39

Сейчас (2012) — ул. Князя Романа, в советское время — ул. Ватутина.

40

Облатка (лат. Oblatio — приношение, предложение, дар) — тонкий листок выпеченного пресного теста, наподобие вафли. Как правило, изготавливается с тиснёными изображениями на рождественские темы.

41

Сейчас (2012) — костёл Марии Снежной на углу ул. Гонты и ул. Б. Хмельницкого.

42

Симон Петлюра — украинский атаман, организатор и предводитель украинских отрядов периода Октябрьской революции. Воевал против Красной Армии на Украине. Один из организаторов украинского националистического движения. Его отряды прослыли организаторами антиеврейских погромов на Украине. После Октябрьской революции вошёл в союз с Пилсудским и воевал на его стороне с Советской Республикой. Некоторое время пребывал в Варшаве, а потом — в эмиграции в Париже. В 1926 году был убит в Париже молодым евреем Шварцбардом, родственников которого убили во время погрома петлюровцы. Во время Второй мировой войны, в годовщину убийства Петлюры, украинские националисты организовали при помощи и участии немцев большие анти-еврейские погромы на территории Львова и всех юго-восточных кресов Польши.

43

Сейчас (2012) — многоцелевая станция Клепаров (грузовая, сортировочная, ремонтная, пассажирская) возле развилки улиц Шевченко и Винница. Также печально известна тем, что во время войны обслуживала транспортные нужды концентрационных лагерей и лагерей смерти.

44

Хорватские фашистские отряды, организованные Анте Павеличем, входили в состав Waffen SS. К ним принадлежали элементы фашистского террористического сепаратистского националистического хорватского движения.

45

Местное выражение, означающее умственную или психическую неадекватность.

Скорее всего, имеются в виду водители трамваев.

DRK (Deutsches Rotes Kreuz) — Немецкий Красный Крест.

48

Рогатка — специфический галицкий термин, означающий КПП на въезде в город. До прихода советской власти присутствовал постоянно, а не только в военное время, и позволял до известной степени регулировать социальную и экономическую обстановку в городе.

49

Сейчас (2012) на этом месте находятся АС-2 и бывшее разворотное кольцо трамвая № б. Фабрика была разрушена в результате немецкой бомбардировки в первый же день войны и после этого не восстанавливалась.

50

Пригородное село, в данный момент (2012) уже поглощённое городом. Голосковское кладбище сейчас является основным городским кладбищем.

51

До времени введения антиеврейских правіш в Венгрии, евреи отбывали нормальную военную службу.

52

Осенью 1942 года немцы проводили перемещение евреев в лагерь смерти в Бельжце. Только небольшое количество евреев, пригодных к работе, находилось в Яновском лагере СС в предместьях Львова. В 1943 году львовское гетто было ликвидировано.

53

Пересечение улиц Жовтневой и Мира (в советский период). Сейчас (2012) Жовтнева носит имя Дорошенко, а ул. Мира названа по имени одного из главарей оуновских бандформирований. Описываемая точка находится как раз напротив печально известной «тюрьмы на Лонцкого».

54

Сейчас (2012) — ул. Городоцкая, в советское время — ул. 1 Мая.

55

Церковь Святых Елизаветы и Ольги. Изначально и на момент описываемых событий — римо-католический, сейчас (2012) — греко-католический храм. Жители Львова неизменно называют его Эльжбетой, независимо от родного языка.

56

Город во Львовской области, районный центр. В советское время — Нестеров.

57

Крупный город в восточной части Польши.

58

Буквально — «удар хватил». Крайне популярное во Львове выражение. Происходит от несколько искажённых немецких слов «Sclag» и «treffen» с тем же значением. Это выражение широко применяется и в настоящее время.

59

Некий «отдел пункта управления».

Криминальная (уголовная) полиция.

61

Имеется в виду Яновский концлагерь, который официально был лагерем принудительного труда, а реально совмещал функции лагеря смерти.

62

Львовская тюрьма Бригидки, которая функционирует до сих пор (2012). Сейчас она стоит на улице Городоцкой, однако на тот момент Гродецкая (Городоцкая) начиналась на упомянутые 200 метров выше, на той же развилке, что и Яновская (Шевченко), а участок от Оперного и до этой развилки назывался тогда улицей Казимировской.

То есть 90–130 граммов.

64

Быцирк (пол. bycyrk) — искажённый немецкий термин «Bezirk» — район, участок.

В данном случае слово «быцирк» обозначает комиссариат полиции, а вообще — следственный изолятор при комендатуре участковой полиции.

В польском языке именно такую форму (Пшибылова) приобретает фамилия, которая

Сейчас (2012) — улица им. Академика Романа Кучера.

67

Томашув Любельский — в настоящее время город в Польше, на юге Люблинского воеводства. Находится на линии Львов - Жолква - Рава Русская - Белжец - Томашув Любельский. В годы Второй мировой войны в этой местности находилось большое количество концлагерей.

Имеется в виду карцер.

69

В декабре 1962 во Вроцлаве я встретил людей из львовской организации Союза Вооружённой Борьбы — АК, и среди них — одного католического священника. От них узнал о судьбах моего младшего брата Юзефа и о судьбе моей матери. Юзека застрелил украинский полицейский на Краковской площади (известна также как пл. Торговая, ныне (2012) — пл. Ярослава Осмомысла) за то, что на окрик полицейского мальчишка не смог ответить по-украински. Похожим образом погиб и Юлиан. Мать арестовали перед нашим домом в первых днях мая 1942-го, то есть тогда, когда я находился в камере для малолетних в быцирке. В тот же день Гестапо арестовало ещё восемь женщин-полек, а также одного католического ксёндза по имени Антони. Вся эта группа из десяти человек участвовала в операции по спасению львовских евреев, в основном — из еврейской интеллигенции. Информацию о деятельности этой группы донесли в Гестапо украинские националисты, фамилии которых были известны разведке АК. После короткого и жестокого следствия всю группу вывезли в пригородные Винники и расстреляли в лесу. Мать в разговорах с нами, братьями, ни разу не обмолвилась на тему того, что она делает, и мы ничего не знали. Мои собеседники из львовской организации Союза Вооружённой Борьбы сообщили мне фамилии тех, кто был убит вместе с моей матерью в Винниках: о. Антоний — фамилии установить не удалось, Галина Белиньская, Данута Ярецкая, Анна Ендрашко, Анна Красновецкая, Евгения Кухарская, Людмила Олесиньская, Элеонора Радваньская, Регина-Барбара Христовская-Вильчур, Катажина Войцеховская.

Видимо, имеются в виду работники подённые, официально не оформленные.

Сейчас (2012) — ул. Одесская.

72

Человек, с которым жильё снимается совместно на долях.

73

5-я танковая дивизия СС «Викинг», или дивизия СС «Викинг», была образована 20 ноября 1940. В её состав входили добровольцы из Нидерландов, Бельгии и скандинавских стран. Кроме того, существовали также французские формирования, в состав которых входили члены фашистской партии RPF во главе с лидером Жаком Дорио.

74

На тот момент — площадь Зерноторговли, которую по характерной для Львова консервативной привычке называли площадью Сольских. Находилась между улицами Солнечной, Пелтевной, Весовой и Зерновой. Сейчас (2012) уже не существует, квартал застроен. На её месте находится гостиница «Львов» и её внутренний двор.

75

Расход, расправа (польск. Rozwaika) — казнь, чаще всего — расстрел.

76

Район в Южной части Львова восточнее моста на ул. Стрыйской, а также одноимённая улица, проходящая через этот район.

77

Город в Галичине. В 1962 году переименован в Ивано-Франковск.

Особый суд.

79

1 апреля.

80

Школа им. Ленартовича находилась тогда по адресу ул. Ветеранов, 2. Предположительно, сейчас в этом здании, но уже под номером 11, находится школа № 53.

81

Города во Львовской области.

Уголовного суда.

83

Село по дороге от Стрыя на Львов, чуть восточнее трассы.

84

Сейчас (2012) — нечётная сторона пр. Свободы, та, что дальше от старого города. Чётная сторона проспекта, та, что ближе к старому городу называлась Гетьманской. Во время Австро-Венгерской империи и Второй Польской Республики нынешний проспект Свободы административно представлял собой не один проспект, а две улицы, идущие параллельно. Части проспекта часто переименовывались. Во время гитлеровской оккупации части назывались соответственно Музейная и Оперная. Затем в 1942 году они были объединены под названием Адольф Гитлер пляц, или Адольф Гитлер ринг, то есть трактовались не как две разные улицы, а как одна площадь.

85

Томашув-Мазовецкий (польск. Tomaszyw Mazowiecki) — город в Лодзинском воеводстве, в Томашувском повяте на реке Пилице. Не следует путать этот город с г. Томашув-Любельски.

86

Шмальцовник (от польского szmal — монета, прибыль). Перед Второй мировой войной жаргонное слово «шмальцовник» имело в Польше несколько похожих значений: контрабандист, скупщик краденого или взяточник. Шантажистов называли шмальцовниками. В период немецкой оккупации слово «шмальцовництво» (szmalcownictwo) приобрело новое, уничижительное значение как определение подлого человека, добивающегося выкупа от укрывающихся евреев и помогающих им поляков или доносившего на них за деньги оккупационным властям. Явление «шмальцовництва» трактовалось Армией Крайовой как акт предательства и каралось смертью. Статья I п. 1 Указа «Польского Комитета Национального Освобождения» (Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego) от 31 августа 1944 года «О мере наказания для фашистских преступников, виновных в убийствах и издевательствах над гражданским населением и пленными, и предателей польского народа» преследовала за шмальцовництво как за преступление, которое не теряет силу за давностью.

87

Плебания — двор священника католической, реформаторской или униатской церкви в Польше и в Белоруссии. Обычно располагался около храма, включал жилой дом и хозяйственные постройки.

Banditten**stadt** — Бандитоград; Banditten**kreis** — Бандитокрай.

89

Werkschutz — букв, «заводская охрана». Частные охранные структуры, использовавшиеся Третьим Рейхом для охраны стратегических предприятий, где использовался труд остарбайтеров. Охраняли также лагеря, где размещали остарбайтеров

90

Солтис — сельский староста.

91

С 12 по 22 сентября 1939 года польская армия вела оборонительные бои за Львов с окружившим его Вермахтом, наступавшим с запада, а с 19 сентября — и с Красной Армией, наступавшей с востока. После серии трёхсторонних перестрелок, переговоров о сдаче и дипломатических нот, польские военные части сдали город советскому военному командованию, а Вермахт был вынужден отойти от города на запад. Львов перешёл к советской стороне.

Дивупр — диверсионное управление. Kedyw AK (Kierownictwo Dywersji Komendy Giywnej Armii Krajowej) — диверсионное управление главного командования Армии Крайовой.

93

Заповедник на горном плато в Свентокшиских горах и место, хорошо известное благодаря польским партизанам.

94

Крестьянские Батальоны (Bataliony Chiopskie, часто переводится как «Батальоны хлопские») — вооружённое крыло союза ряда партий сельской ориентации. Действовали в 1940–1945 гг. Крестьянские Батальоны находились в довольно сложных идеологических и организационных взаимоотношениях как с националистической АК, так и с просоветской Армией Людовой (Народной). КБ имели представительства, в том числе, и во Львовской области. В местности, описываемой автором, концентрация бойцов КБ была одной из самых высоких.

Bimber (*польск.)* — самогон.

ЖДЭТ — железнодорожный электротранспорт.

Территории, присоединённые к Польше после окончания Второй мировой войны, в основном — бывшие германские.